

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

НИКИТА АВЕРИН
КРЫМ-2

FUTURE CORP.

Метро

Никита Аверин

**Метро 2033. Крым-2.
Остров Головорезов**

«АСТ»

2015

Аверин Н.

Метро 2033. Крым-2. Остров Головорезов / Н. Аверин — «АСТ», 2015 — (Метро)

ISBN 978-5-17-087452-1

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Казацкие разъезды бесследно исчезают в Степи. Во дворец крымского хана в Бахче-Сарае прокрались диверсанты. Питьевые колодцы Союза Вольных Городов отравлены. Все чаще на улицах Симферополя мелькают рясы приверженцев Серого Света. Все жители острова сходятся в одном – в своих несчастьях они винят клан Листонош. Бывшие враги стали друзьями, а верные друзья совершают предательства. Крым превратился в остров головорезов. Вот и думай, что важнее: очистить доброе имя клана, или попытаться найти секретные бункеры возрождения? В любом случае, одним листоношам против всего Крыма не выстоять...

ISBN 978-5-17-087452-1

© Аверин Н., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Магия цифры	7
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Интерлюдия	28
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Никита Владимирович Аверин
Метро 2033: Крым-2. Остров Головорезов
Фантастический роман

© Д. А. Глуховский, 2014

© Н. В. Аверин, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Магия цифры

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Так уж вышло, что в нашей серии подряд увидели свет две книги, в названии которых одновременно присутствует и цифра «2» и слово «остров». Сравнивать романы Сергея Антонова и Никиты Аверина я не стану, разумеется. Во-первых, романы эти совершенно разные: и по авторскому стилю, и по локациям, и по героям, и по конфликту, и даже по развязке. Пожалуй, объединяет их вообще лишь два момента – обе книжки интересные, и описываемое в них, при всей своей непохожести, происходит в единой вселенной, рожденной фантазией Дмитрия Глуховского. «Вселенной Метро 2033». Не стану я говорить и об островах. И в одном, и в другом случае, беря в расчет особенности сеттинга, вышли те еще местечки. Соваться в них – себе дороже (особенно если ты не листоноша). «Не советую. Съедят». (с)

Так о чем же? О башмаках, о кораблях, о сургучных печатях, о капусте и о королях?

Нет. О продолжениях.

Ведь та самая цифра «2», которую столь любят киношники, а литераторы до недавнего времени считали (некоторые, впрочем, считают и поныне) признаком дурного вкуса, говорит, – да нет, буквально кричит! – именно об этом.

Продолжениями поклонника нашей серии не удивить. Особенно если вспомнить, что, затеявая ее, мы изначально ориентировали авторов-участников на трилогии – прямые, в которых описываются последовательно приключения одного персонажа (как у все того же Сергея Антонова, Андрея Дьякова или Андрея Буторина), или смысловые, в которых автор через разные истории, разных героев и разные приемы пытается донести до читателей некую общую идею, мысль, концепт, как сейчас модно говорить (трилогии Анны Калинкиной и Андрея Гребенщикова). Так за что же читатель так любит продолжения? Почему настолько ждет новой встречи с полюбившимися героями и локациями? В чем магия порядкового номера?

Проще всего тут было бы написать: «На это вопрос пусть каждый ответит себе сам» и удалиться, демонически хохоча. Но я не стану. Отвечу за себя. Да, я люблю смотреть и читать иные (не все и не сугубо как жанр, боже сохрани) сериалы. При этом предпочтения отдаю тем, в которых каждый эпизод, будучи связан с предшествующим и последующим, все-таки является более-менее самостоятельной, законченной историей (совсем как в нашей серии). И для меня тут важны два момента, две просьбы, которые я обращаю к создателю сериала: 1) удиви и увлеку меня; 2) продолжай делать это постоянно. Выкладывайся по полной. Интригуй. Развивай. Шокируй. Заставляй негодовать и сопереживать снова и снова. До тех пор, пока ты поступаешь так, ты можешь на меня рассчитывать.

Вот и вся магия.

Часть 1

Тени сгущаются

Глава 1

Цитадель

Вечер в степи – зрелище завораживающее. Солнце, еще совсем недавно палящее, ослепительно-белое, выжигающее, беспощадное, вдруг наливается багрово-малиновым и начинает опускаться за горизонт. Линия горизонта подрагивает в жарком мареве. Небо сначала синее, потом становится фиолетовым. Последние лучи засыпающего светила отбрасывают розовые отблески на выгоревшие ломкие степные травы.

Спадает ненавистная жара. Начинают стрекотать цикады.

Пошта смахнул пот со лба, взвалил на спину самодельное коромысло с двумя пластиковыми бадейками воды из колодца и побрел в сторону конюшни. Всем хороша цитадель листонош в Джанкое – но с водопроводом тут, как и во всем Крыму, туго. Приходится таскать на своем горбу.

Верный восьминогий конь-мутант приветствовал Пошту негромким ржанием. Конь, неизменный спутник листоноши во всех опасных странствиях, ожидал хозяина в стойле, переминаясь с ноги на ногу и нетерпеливо взбрыкивая. Пошта налил верному другу воды в корыто, насыпал овса, потрепал коня по холке. Тот благодарно фыркнул и приступил к вечерней трапезе.

Теперь можно и самому поесть.

Последние две недели Пошта только и делал, что ел и спал, да еще парился в русской баньке, построенной специально для тех членов клана, что вернулись из тяжелого похода – изможденные, израненные, измученные. Судьба Пошты в последнее время была щедра на приключения. Не будь он листоношей – выносливым, устойчивым к радиации, сильным и быстрым мутантом (против правды не попрешь, хотя сам Пошта не любил, когда клан листонош приравнивали к безмозглым жертвам радиации; с его точки зрения, те мутации, что листоноши переживали в подвалах цитадели, скорее делали членов клана новой ступенькой в эволюции людей, чем жертвами Катастрофы) – так вот, будь Пошта простым человеком, давно бы помер, и даже не от ран, а от обычной усталости, от переутомления.

Поэтому свой отпуск Пошта считал заслуженным. Тем более, пока Филателист, глава клана, вместе со своими криптоаналитиками не расшифрует содержимое добытых с таким трудом перфокарт, делать Поште, в общем-то, пока нечего.

Листоноша неторопливо брел по цитадели, обмениваясь кивками со встречаемыми коллегами. Кто-то заступал в караул, кто-то готовился к походу – доставлять сообщения в самые удаленные уголки Крыма, кто-то просто чистил оружие и проверял снаряжение. Из окон столовой тянуло аппетитными запахами – каши, мяса и тушеных овощей.

Столовая, как всегда, служила неформальным центром цитадели – не казармы, не штаб Филателиста, не арсенал, обшитый железными листами внахлест, не конюшни и не сортировочная для писем и посылок, а именно место приема пищи (которое Кайсанбек Аланович пафосно именовал трапезной) собирало всех незанятых делом листонош в свободное время. Тут ели, пили и, конечно, общались.

Готовили в столовой сносно; не что бы очень вкусно, но съедобно, хотя и однообразно. Если бы еще не проклятый песок, приносимый степными ветрами и проникающий повсюду, скрывающийся на зубах и налипающий на тарелки...

Заведовала столовой Раиса Петровна. Неделю назад, исполняя свое обещание, Пошта с огромным трудом, но все же смог вывести кухарку из Тортуги и устроил её на кухню. Пошта взял на раздаче тарелку каши с мясом, кружку пива и подсел к друзьям – Штемпелю, Бандерольке и Кайсанбеку Алановичу.

– Вечер добрый, – поздоровался он.

– А добрый ли? – хмуро отозвался Штемпель.

Пошта отхлебнул пива:

– Есть причины думать по-другому?

Кайсанбек Аланович произнес, как всегда, велеречиво:

– Есть основания полагать, что затишье, которым мы имеем удовольствие наслаждаться последние пару недель, есть явление временное, и предвещает череду недобрых событий, как полный штиль предвещает шторм.

– Ты же сам говорил, что на острове сейчас неспокойно, – заметил Штемпель, – что будет война. Листоноши, которые вернулись из Судака, Севастополя, Феодосии, Евпатории и Керчи, в один голос говорят, что надвигается большая драка.

– Прямо так и говорят – драка? – поинтересовался Пошта, уминая кашу и запивая пивом.

– Да, – сказала Бандеролька. – Народ стал нервный. Оружие покупают. Боеприпасы в дефиците. Медикаментов не достать. И общая атмосфера как перед грозой. Душно, давит. И все будто чего-то ждут. Чего-то нехорошего.

Пошта пожал плечами.

– Может быть, это все и глупости, – в задумчивости произнес Кайсанбек Аланович. – Но история знает много случаев, когда войны начинались именно по глупости.

– Говорят, что Катастрофа случилась тоже по глупости, – вставил Штемпель. – Мы этого, конечно, никогда не узнаем, но последствия будем расхлебывать долго.

Бандеролька буркнула:

– А я вот думаю, что не глупости. Меня мое чутье никогда не подводило. Просто мы же не знаем всего – так, крупницы данных, обрывки информации. А может быть, кому-то нужна война. Кому-то она выгодна. И пока мы тут кашу едим да пиво пьем, кто-то где-то готовится.

Пошта допил пиво и сказал:

– Никогда не следует приписывать злему умыслу то, что можно объяснить глупостью и разгильдяйством. В любом случае, листоноши – не солдаты, нам суждено не воевать и разрушать, а объединять и восстанавливать. Что же до войны – я всегда к ней готов. Все-таки в Крыму живем, тут совсем мирно и не было никогда после Катастрофы...

На этой не самой оптимистичной ноте Пошта собрался было закончить беседу, но ему помешал посыльный – мальчишка лет четырнадцати, прыщавый и курносый. Он влетел в столовую, взволнованный важностью своего поручения, и выкрикнул:

– Листоношу Пошту вызывает к себе глава клана Филателист!

– Та-ак, – мрачно прокомментировал Штемпель. – Накаркали!

– Да погоди ты паниковать, – ответил Пошта, поднимаясь из-за стола. – Рано еще...

Пошта встал, вышел из столовой и быстрым шагом направился к штабу.

На улице уже успело стемнеть. На небе зажглись первые звезды. Воздух посвежел, стрекотание сверчков вплеталось в гул засыпающей цитадели. Мальчишка-посыльный шел чуть позади Пошты. Через некоторое время парнишка все же осмелился задать мучивший его всю дорогу вопрос:

– А правда, что вы в Балаклаве были? – не выдержав, спросил посыльный.

– Правда, – усмехнулся Пошта. – Я много где был.

– А мутантов видели?

– Я много чего видел, – многозначительно ответил листоноша и внимательно посмотрел на посыльного. Этого парнишку он уже встречал в цитадели. Он то ли чей-то сын, то ли внук,

то ли племянник. И судя по слабо развитой мускулатуре, явно не состоял в числе рекрутов – будущих листонош.

Пошта вдруг остановился. Неспешному течению праздных мыслей в его голове помешало внезапно возникшее чувство тревоги. Что-то было не так. Какой-то посторонний звук – или запах – или мелькнувшая тень – насторожили Пошту.

Другой бы отмахнулся – ну что может случиться здесь, в самом сердце цитадели, когда вокруг сотни друзей, а на стенах стоят караульные со снайперскими винтовками – но Пошта, наученный горьким опытом, сосредоточился на своих ощущениях, усилием воли обострив слух, зрение и обоняние.

– А поподробней можете рассказать? – не унимался мальчишка, подпрыгивая от нетерпения. – И почему мы стоим? Филателист ждет!

Мальчишка мешал. Слишком много звуков, слишком много лишних движений.

– Беги обратно в столовую, – прошипел Пошта. – Быс-с-стро!

Нехорошо, конечно, обижать детей – но, как выяснилось позже, решение это было единственно верным. Посыльный надулся, развернулся и убежал в неизвестном направлении, оставив Пошту наедине со своими чувствами.

Итак, диспозиция. Узкая улочка с деревянными тротуарами по бокам. Ветерок гоняет маленькие пыльные вихри по центру, где телеги разъездили колею. Дома по бокам – переделанные грузовые контейнеры с ветряками и баками для воды на плоских крышах. Впереди – штаб, двухэтажное здание из белого песчаника под наклонной крышей из бурой черепицы. Перед штабом – два автомобиля, «УАЗ-Патриот» кого-то из шифровальщиков и «Мародер» Филателиста. Людей на улице нет – и правильно, что им тут делать после заката. Движения особого тоже нет, все дневные твари давно спят, а ночные – пауки и прочая живность – еще не выползли. Пахнет, как во всей цитадели – бензином и степными травами.

Что же не так?!

Движение.

Возле машин. Там, где его быть вроде не должно.

Очень медленное – так движется часовая стрелка на циферблате. Не будь Пошта листоношей, он бы и не заметил. Одна из теней двигалась. Слишком крупная для бродячей собаки, коих листоноши любили и подкармливали. Слишком медленная для человека.

Но тень двигалась. Теперь уже точно не показалось: Пошта сфокусировал взгляд на черном силуэте, почти не различимом на фоне сгущающихся сумерек. Ага, а вон там еще одна такая же.

Поднять тревогу? Закричать, позвать на помощь? А вдруг это кто-то из своих – те же шифровальщики-криптоаналитики вышли покурить? Глупо может получиться.

Сунуться на разведку? В одиночку? Еще глупее. Пошта почти без оружия, и если это враг – его просто убьют по-тихому и труп спрячут, после чего вернуться к исполнению своей вражеской миссии, каковой бы та ни была.

Пошта принял решение. Самое умное – сделать вид, что ничего не заметил. Двигаться дальше к штабу, как ни в чем не бывало. Дать противнику, если это противник, сделать ошибку первому. Тем более, пацан-посыльный, судя по доносящемуся сопению, ушел недалеко, дуется где-то за углом, тщится понять, с чего вдруг Пошта стал такой грубый. Если Пошту убьют, мальчишка поднимет тревогу.

Листоноша спокойно приблизился к штабу. Одна из теней замерла, вторая будто бы уменьшилась в размерах. Человек – а теперь Пошта был уже уверен, что это человек, – присел, как перед прыжком. Пошта сунул руку в карман и нащупал нож – старинный «ка-бар», подарок от Штемпеля по случаю удачно выполненного задания.

Чего они ждут?

«Пока я постучу, – подумал Пошта. – Мне откроют дверь, и тогда лазутчики неведомого врага ворвутся в штаб. А пока затаились, как зверь в засаде. Ну что ж, будем выманывать».

Пошта наклонился, будто бы завязать шнурки, вытащил из ножен на голени второй клинок – метательный, выкованный джанкойскими умельцами из рессоры, подобрал камешек и, выпрямившись, подкинул его на ладони.

Потыкаем в зверя палочкой. Спровоцируем на ошибку.

– Эй, – громко сказал листоноша. – Ты, в тенечке! Ноги не затекли? – И швырнул камешком в присевшего врага.

Как Пошта и ожидал, противник не шелохнулся. Зато напарник его, засевший за «Мародером», начал заходить со спины. Пошта зажал «ка-бар» в правой руке, метательный клинок – в левой, и повторил:

– Выходи, я тебя вижу. Ты кто такой? Что тебе тут надо?

Он нарочно говорил громко – чтобы было слышно и в штабе, и мальчишке-посыльному.

Собеседник упорно прикидывался невидимкой – мол, я не я, и тень не моя. Почудилось тебе, листоноша.

Второй тем временем выбрался из-за «Мародера», и Пошта краем глаза уловил отблеск стали. Ага. Все серьезно.

Пошта развернулся, и метательный нож будто бы сам вырвался из его руки, серебристой молнией вонзившись в плечо нападавшего.

Бить на поражение Пошта не стал – вдруг это кто-то из своих озорует. Бывали случаи, когда молодые листоноши, только-только получив нашивки клана, перебирали со спиртным и бродили по цитадели в поисках приключений. Конечно, за подобные шутки следовало жестко наказывать. Но не убивать же! Пошта до последнего момента не мог поверить в то, что в самое сердце его клана могли пробраться лазутчики.

Листоноша тут же ушел в кувырок, сокращая дистанцию между собой и первым – и очень кстати, потому что первый вскинул пистолет с толстой сарделькой глушителя. Выстрелы были похожи на громкое шипение потревоженной змеи.

«Копать-колотить, – выругался про себя Пошта. – Это точно не захмелевшие рекруты, а самые настоящие диверсанты!».

Поэтому дальше Пошта действовал уже без всяких сантиментов и ограничений. Поднырнув под ствол, схватил глушитель, отвел пистолет в сторону и ударил «ка-баром» снизу вверх, в район паха. Удар этот смертелен – человек умирает от болевого шока раньше, чем от потери крови.

Противник Пошты – листоноша наконец-то смог его разглядеть вблизи – был одет во все черное. Комбинезон, маска-балаклава, перчатки, разгрузочный жилет с прочно набитыми карманами (но не магазины, что-то другое, квадратное – скорее всего, брикеты пластиковой взрывчатки).

Смертник? Диверсант?

Некогда разбираться. Под разгрузочным жилетом на противнике был еще один – кевларовый, с керамической пластиной внутри. А значит, у его напарника, скорее всего, такой же.

Выдернуть «ка-бар». Кровь хлынула рекой, черная при таком освещении.

Еще один кувырок. Подбить противника под ноги, свалить, оседлать, выбить из руки пистолет, приставить нож к горлу. Этого желательно взять живым.

Противник оказался на диво сильным – он вцепился Поште в руку, будто тисками сжал, и одним рывком перевернул листоношу на спину. За полсекунды ситуация в корне изменилась, и не в пользу Пошты. Листоноша сжал ребра врага своими ногами, скрестил лодыжки, сдвинул коленями. Противник захрипел, но продолжал давить обеими руками на кисти листоноши, пытаясь зарезать джанкойца его же ножом.

Хотя у противника был свой – рукоятка кинжала торчала из ножен на плече разгрузочного жилета. Листоноша решил рискнуть. Вложив всю свою силу в левую руку, Пошта правой выдернул из ножен кинжал диверсанта и всадил обоюдоострый клинок над ключицей врага.

Кевлар хорошо останавливает пулю, а вот против холодного оружия он не так эффективен.

Кинжал вошел в тело, как в масло. Видимо, Пошта пробил подключичную артерию – кровь ударила фонтаном. Противник задергался и обмяк. Листоноша оттолкнул труп ногами и встал.

Да уж, взять живым не получилось. Впрочем, в одиночку против двоих, с ножом против пистолетов – не такой уж плохой результат.

Кто же вы, ребята, такие? Пошта нагнулся и сорвал балаклаву. Бритый череп, сломанный нос, расплющенные уши. И татуировка за ухом – змея и казачья шапка.

Пластуны! Казачий спецназ, ниндзя, убийцы-невидимки!

Какого дьявола они тут делают? Казаки объявили войну листоношам? Мир сошел с ума? – Сверху! – раздался крик сзади.

Пошта вскинул взгляд. Третий! Как же я его прозевал!

Третий пластун залег на крыше штаба и уже выцеливал листоношу из короткого автомата, тоже с глушителем. Времени на маневр не оставалось. Пошта рухнул на труп врага, прижал его к себе и перекатился, прикрываясь бездыханным телом. Треск короткой очереди – и тело мертвого пластуна приняло на себя град крошечных пулек, дырявящих кевлар так же легко, как бумагу. Благо тело они пробить не сумели.

Пошта, прикрываясь трупом (кровь из того все еще текла, но уже не хлестала – сердце остановилось), попытался подобрать с земли выбитый ранее пистолет. Куда там! Следующая очередь ударила в землю, взбив фонтанчики пыли, как раз между Поштой и пистолетом.

«Кажется, мне крышка», – успел подумал Пошта.

В небе что-то прожужжало, раздался глухой удар. С крыши донесся приглушенный матерок. Пошта улучил момент, схватил пистолет и, оттолкнув труп, вскинул оружие. Третий пластун озадаченно уставился на бумеранг, попавший ему в руку и почти выбивший автомат. Пошта не стал дожидаться, пока пластун придет в себя и опять начнет палить. Листоноша выстрелил трижды – два заряда в грудь, третий в голову.

Пластун упал с крыши, как мешок с картошкой. Рядом с ним упал и бумеранг. Интересно, кто его метнул?

Пошта поднялся с земли, весь в пыли и крови, продолжая держать поверженного противника на прицеле, и огляделся.

Мальчишка-посыльный стоял возле «уазика», бледный, с горящими глазами и страшно взволнованный.

– Вот это да, – прошептал он. – Во блин!

– Спасибо тебе, пацан, – сказал Пошта. – Если бы не твой бумеранг...

Вся схватка, она же перестрелка, заняла от силы минуту и протекала почти в полной тишине, если не считать приглушенных выстрелов и предупредительного вопля мальчишки.

Поэтому когда дверь штаба распахнулась, оттуда донесся раздраженный вопрос:

– Что за шум-гам? Кому там не спится в ночь глухую?

Не иначе, парень разбудил задремавшего вестового.

– Это Пошта, – раздраженно ответил листоноша. – И спать, похоже, нам сегодня больше не придется.

* * *

У Филателиста были длинные седые усы, седая же косица и шершавая, будто потерявшая кожа на лице. Глаза, глубоко посаженные, смотрели хитро и насмешливо. Руки с длинными, как у пианиста, пальцами, перебирали четки, вырезанные из можжевельника.

– Та-а-ак, – протянул глава клана листонош. – Что тут у нас?

Трупы лазутчиков выволокли на открытое пространство и сложили рядышком, сорвав с них маски и жилеты со взрывчаткой. Включили прожектор на крыше штаба, и мертвецы лежали, выставленные на всеобщее обозрение, будто на столе в морге.

– Трое, – констатировал очевидный факт Контейнер, начальник службы безопасности клана. Имя его полностью соответствовало внешности: квадратный, угловатый, с тяжелой походкой и мощной шеей борца. – Проникли через северный блокпост. Часового убили. Ножом. С собой имели суммарно тридцать килограмм пластита.

– Ого! – удивился Филателист. – Именно пластита? Не самопальных бомбочек из аммонала?

– Пластит, – подтвердил Контейнер. – Чешский. «Семтекс». Видимо, из каких-то армейских складов.

«Известно, каких», – подумал Пошта, но промолчал. Он и мальчишка-посыльный стояли в сторонке, наблюдая, как Филателист, Контейнер и трое охранников изучают трупы. Пошта даже не вытер вражескую кровь с лица, и теперь та подсыхала – кожу неприятно пощипывало. Мальчишка вертел в руках бумеранг.

– Кто такие, установили? – спросил Филателист.

– Пластуны, судя по татуировкам.

– Хреново, – сморщился Филателист. – Казачий спецназ. Что они тут забыли?

– Ну, если брать в расчет то количество взрывчатки, что они на себе притащили, – предположил Контейнер, – то, скорее всего, пластуны намеривались взорвать половину Джанкоя. Нашу базу – так точно.

– Ага, – кивнул Филателист. – И остановили их случайно, листоноша и мальчишка-посыльный. Плохо работаете, охрана. Мышей не ловите.

– Виноват, – хмуро потупился Контейнер. – Но они – профи.

– Мальчонке это расскажи... Тебя как звать, малой?

– Костя, – подал голос паренек.

Филателист хмыкнул.

– Молодец, Костя. Сколько лет-то тебе?

– Четырнадцать.

– Далеко пойдешь... Вот что, Контейнер. Убери этих красавцев куда-нибудь на холод, чтобы не завоняли. Пластит – в арсенал. Охрану на блокпостах – удвоить, бдительность усилить. Но кипеш пока не поднимать. А ты, Пошта, иди со мной. Разговор есть.

– А я? – обиделся Костя.

– А ты погуляй пока. Мал еще.

Костя надулся, сунул бумеранг за пояс и побрел по улице, бормоча себе под нос что-то раздраженное вроде «как пластунов мочить, так не мал, а как разговоры разговаривать – так мал, не поймешь этих взрослых». Пошта молча усмехнулся и пошел следом за Филателистом в штаб.

Там, среди складных брезентовых стульев и огромного письменного стола, некогда бывшего миллиардным, их ждал плюгавенький человечек в толстых очках. В руках у человечка была стопка бумаги и до боли знакомая Поште перфокарта.

– Знакомьтесь! – Филателист запер дверь и махнул рукой. – Это Пошта. Тот самый молодой человек, что добыл перфокарту в Балаклаве. А это – Шифр, наш главный криптоаналитик. Он ее декодировал.

Шифр кивнул. При виде окровавленного листоноши кабинетный ученый слегка побледнел. Пошта дождался приглашающего жеста Филателиста и присел в кресло. Страшно хотелось вытереть лицо.

– Держи, боец, – Филателист самолично протянул листоноше полотенце и кувшин с водой. – Умойся.

– Что там произошло? – спросил Шифр.

– Казаки к нам пожаловали. Взорвать нас хотели.

– Казаки?! Это что же? Война?!

– Пока нет, – ответил Филателист. – Но все может быть.

– Это точно? – спросил Пошта, закончив утирать лицо. Полотенце стало бурым. – Точно – война?

– К тому все идет.

– Зачем? – удивился Пошта. – Кому оно надо?

– Хотел бы я знать... – вздохнул Филателист.

– Я знаю, – встрял Шифр. – Кажется...

– Ну, выкладывай!

Шифр поправил очки, перетасовал стопку распечаток и начал:

– У нас ушло около двух недель на расшифровку данных с перфокарты из-за того, что был использован очень старый и сложный шифр, основанный на двойном ключе... – когда криптоаналитик заговорил на знакомые темы, глаза его загорелись юношеским задором. – Его использовали военные в конце двадцатого века, на заре компьютеризации...

– Короче, – оборвал его Филателист. – К черту технические подробности. Переходи к делу.

– Если короче, то перфокарта – это еще и карта. Вернее, координаты расположения трех бункеров. Так называемых «объектов восстановления».

– Это мы уже знаем! – Филателист нетерпеливо махнул рукой. – Но что конкретно представляют собой эти бункеры?

– К сожалению, на самой перфокарте лишь кодовые обозначения бункеров и их координаты. Но! Я порылся в архивных документах и нашел кое-какие сведения. Бункеры «РД2», «КП7» и «АВ5» построили на случай ядерной, бактериологической и климатической войны. На случай полной гибели цивилизации. Задача бункеров – способствовать восстановлению научно-технической базы после Катастрофы. Для этого там, в этих трех бункерах – хотя на самом деле, я подозреваю, их гораздо больше – складировано оружие и технологии, которые дадут владельцу серьезное, я бы даже сказал, глобальное преимущество в новом витке гонки вооружений.

– Ясно-понятно. Я правильно вас понял, Шифр? – подключился к разговору Пошта. – Там может быть оружие сродни тому, что привело к Катастрофе?

В кабинете повисла тревожная тишина.

Филателист отложил четки, вытащил трубку, набил ее табаком-самосадом, чиркнул спичкой и выпустил облако сизого дыма:

– Полагаю, ты все правильно понял. Тот, кто овладеет хотя бы одним из бункеров, сможет с его помощью привести мир на грань новой, еще более страшной Катастрофы.

– Да, – кивнул Шифр. – Или возродить цивилизацию в том виде, в каком она существовала до начала третьей мировой.

– Веселенькие дела, – вздохнул Пошта. – Думаете, что сегодняшнее нападение пластунов как-то связано с этой перфокартой?

– Больше не из-за чего, – Филателист стиснул зубами мундштук трубки. – И где эти бункеры располагаются?

Шифр опять суетливо поправил очки и порылся в распечатках.

– Два из них – на материке, за Донским проливом. Один... сейчас, секундочку... вот, в жерле затопленного вулкана Кара-Даг, что под Коктебелем.

Пошта расслабленно выдохнул. На материке – все равно что на Луне, фиг туда доберешься. А уж про подводный бункер и думать нечего. Туда с аквалангом не нырнешь, слишком глубоко. Так что мир может спать спокойно – новая Катастрофа, как и возрождение, ему не грозят.

Но Филателист, похоже, придерживался прямо противоположного мнения:

– Что скажешь, листоноша? – спросил он почти ласково. – Сможем мы туда добраться? До этих самых волшебных бункеров?

– Нет, – покачал головой Пошта. – Донской пролив преодолеть еще можно – чисто теоретически, на хорошем судне, да с подготовленной командой, а вот что нас будет ждать на материке – это вопрос. Всем вопросам вопрос. Мутанты? Дикари? Зараженная зона? Нет же сведений.

– А подводный бункер? – прищурился Филателист.

– Забудьте, – махнул рукой Пошта. – Как? С аквалангом? Там глубина метров сто. И неизвестно, какие подводные твари там обитают.

– Простите, что вмешиваюсь, – Шифр, словно первоклассник, поднял согнутую в локте руку, – Но мне кажется, я могу подсказать вам решение данной проблемы. Для доступа к подводному бункеру следует использовать батискаф Карадагской биостанции. Если, конечно, он ещё в рабочем состоянии.

У Пошты вдруг зародилось нехорошее предчувствие. Все, отдых кончился. Собирайся-ка ты, брат листоноша, в очередную невыполнимую миссию. Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что.

«Что ж за судьба у меня такая? – спросил Пошта сам себя и сам ответил: – Нормальная судьба листоноши. Кто-то же должен это делать».

– Ну, Пошта, – хмыкнул Филателист, – вот и настало твое время. Непокойно нынче в Крыму, сам видишь. Большая буча затевается. Кровопролитная и бессмысленная. И если кто из участников, кто угодно – казаки, татары, да хоть инопланетяне – до бункеров доберутся, не миновать нам большой беды. Второй Катастрофы человечество не переживет. Поэтому сроку тебе даю – день на сборы. Команду выбирай сам, мешать не буду. В арсенал заходи, как к себе домой, только ногой дверь не открывай, Контейнер обижается. Бери что надо. Транспорт – любой. Бензину много не дам, потому что много нету. Но ты парень находчивый, найдешь. Выдвигаетесь завтра после обеда.

– Задача? – спросил Пошта.

– Первая – и главная – пересечь Донской пролив. Найти бункеры. Вскрыть. Содержимое переправить в Джанкой.

Пошта мысленно присвистнул. Ничего себе... Приятно, когда в тебя верят. Но чтобы настолько?!

– Вторая, – продолжил Филателист, – добраться до бункера в Кара-Даге. Выпотрошить. Не получится – затопить, чтобы никому не достался. Понятно?

– Сколько людей дадите? – уточнил Пошта.

– Много не дам. Нельзя базу обескровливать. Бери самых лучших. Проверенных.

– Сроки выполнения?

Филателист нахмурился.

– Откуда ж мне знать... Пока не началось. В общем, поторапливайся, листоноша. Время не ждет.

Глава 2 СБОРЫ

После разговора с начальством Пошта сразу же отправился на поиски своих друзей. Профессор и Штемпель убивали время за партией в шахматы, а Бандеролька с вялым интересом следила за этой битвой интеллектов.

– Ну что, друзья, вы готовы отправиться в увлекательное путешествие? – с порога спросил Пошта.

– Для ответа на этот вопрос, – заметил Штемпель, – неплохо было бы знать, куда, собственно, нам предстоит идти?

Пошта улыбнулся.

– Как говорится – на кудыкину гору. А если серьезно, – Пошта взял стул и подсел за их столик, – То мне поручено сформировать и возглавить небольшую экспедицию по поиску трех бункеров, где хранятся вооружение и технологии, способные возродить – или снова погубить – цивилизацию.

– Всего-то делов-то! – хмыкнула Бандеролька. – Так, а после обеда чем займемся?

– Все тебе шуточки, – проворчал Штемпель. – Что за бункеры, где находятся?

– Два – на материке, за Донским проливом. Один – под водой, в вулкане Кара-Даг.

Профессор вздохнул.

– Возможно, я плохо знаком с морским делом, – сказал он, – Но каким образом вы планируете форсировать Донской пролив? На своих восьминогих чудо-конях?

Пошта поднял руку.

– Проблема в том, профессор, что кроме нас найдется очень много желающих добраться до бункеров. И если мы будем сидеть сложа руки, то можем прозевать начало второй Катастрофы. Поэтому надо выдвигаться немедленно.

– Но как мы доберемся до материка? – спросила Бандеролька.

– Я вижу три варианта, – ответил Пошта. – Первый. Угоняем корабль у пиратов Тортуги. Самоубийственный вариант. Второй – отправляемся в Севастополь, пробуем договориться с тамошними моряками. В принципе, на их кораблях это возможно, вопрос, что они потребуют взамен. И третий – едем в Керчь, переправляемся паромом. И – не забывайте – есть еще подводный бункер. Конечно, соваться на Кара-Даг и биостанцию – не лучший вариант, но не менее реальный, чем паромная переправа.

– Ни фига себе крюк, – удивился Штемпель. – А почему не попробовать через Красноперекоск? Он же ближе всего к Джанкою!

– Боюсь, что в свете последних событий с Летучим Поездом нам там будут не рады. Не идти же на них войной, в самом деле...

Штемпель покивал.

– Согласен. Мне кажется, что вариант с Керчью самый реальный из нереальных. Второй вариант – подводный бункер в жерле Кара-Дага. Но время в дороге... Пока доберемся, пока договоримся... Я предлагаю разделиться.

– Я сам хотел это предложить. Вместе добираемся до Феодосии, там – смотрим по обстановке. Один отряд направляется в Керчь, второй – в сторону Коктебеля, потом – через горы или в обход гор к биостанции.

– Мне не нравится идея разделять отряд, – возразила Бандеролька. – Любой мутант захарчит и не подавится. И к тому же, сколько бойцов планируется в отряде? Не пойдём же мы втроем?

– Что значит «втроем»? – возмутился профессор, – Вы планируете выполнить эту миссию лишь силами простых солдат? При всем моем уважении, как вы планируете обойтись без

высококвалифицированного ученого? Тем более что я очень хорошо знаю биостанцию, так как мне посчастливилось некоторое время работать на ней в качестве молодого специалиста.

– Простите, Кайсанбек Аланович, – ответил Пошта, – но я просто не имею права рисковать вашей жизнью. Вы больше нужны здесь, в Джанкое. Ваш педагогический опыт...

– Молодой человек, позвольте мне прервать поток вашего красноречия, – прервал листоношу профессор, – Но если я правильно понял вашу мысль, то найти эти бункеры раньше остальных жизненно важно не только для нас, но, возможно, и для всего Крыма, и даже нашей многострадальной планеты? И вы хотите, чтобы я тихонько отсиживался в тылу? Ну уж нет!

– Хорошо, я сдаюсь, – Пошта поднял руки вверх, – Прошу вас войти в состав нашей экспедиции.

– Благодарю, – с достоинством ответил Кайсанбек Аланович.

– Теперь нас четверо, – резюмировал Штемпель. Но все равно, маловато для столь серьезной операции.

– Поэтому мы возьмем с собой подмогу, – сказал Пошта. – Принуждать я никого не могу, но вот добровольцев собрать попробую. Хорошо бы ещё пять-шесть бойцов в наш отряд, для, так сказать, огневой поддержки. Согласны?

– Угу. А как быть с Кара-Дагом? Я нырять не буду, я медуз боюсь! – заявила Бандеролька.

– Нырять не придется, – вновь вклинился в разговор профессор, – там есть батискаф. Я умею им управлять. Могу и вас научить, это не очень сложно.

– Чтобы мы без вас делали, профессор! Значит, после Феодосии мы разделяемся. Бандеролька со Штемпелем поедут в Керчь, а я с Кайсанбеком Алановичем пойду на биостанцию. Так, брифинг окончен, три часа на поиск добровольцев – и выступаем. Надо еще с транспортом разобраться...

– Так кони же есть! – удивился Штемпель. – Твой Один поди застоялся, да и мой Сирко не прочь меня покатасть.

– Кони – это хорошо. Только как мы верхами будем трофеи в Джанкой возвращать? Телегу соорудим? Мы же не разведку едем, а брать бункера и вывозить все ценное, чтобы другим не досталось. Но ничего, Филателист с транспортом обещал помочь.

– А бензин? – спросил Кайсанбек Аланович. – Где мы бензин-то возьмем? Бензин не овес, на каждом угле не нарвешь!

– Знаю, – мрачно кивнул Пошта. – Но «Мародер» Филателиста ездит и на соляре, и на угле, и даже на подсолнечном масле. А грузоподъемность у него – будь здоров, как и проходимость.

– Ну правильно, – пробурчал Штемпель. – Как себе – так «Мародер» главы клана. Как нам – так небось «уазик» какой-нибудь подсунешь или еще какую рухлядь.

Пошта хлопнул его по плечу.

– Копать-колотить! Не волнуйся, я тебя не обижу, брат! Иди, ищи людей. Желательно – с боевым опытом и без морской болезни. А с транспортом я разберусь. Пока предлагаю сходить в арсенал.

Здание арсенала клана листонош представляло собой старинное, чуть ли не позапрошлого века одноэтажное строение из типичного для Джанкоя белого песчаника. Стены тут были толщиной в полметра, что позволяло сохранять прохладу даже жарким крымским летом. Окна, узкие и высокие, были забраны решетками из толстых прутьев, а дверь была обшита листовым металлом. Замок, громадный, древний, с фигурным ключом длиной в две ладони, оберегал запасы оружия клана. Ключ от замка, естественно, хранился лично у Контейнера.

– Ну, – неприветливо поздоровался начальник безопасности, – заходите, коль пришли.

Дверь протяжно скрипнула, из арсенала дохнуло холодом. Контейнер посторонился, пропуская гостей.

Пошта, Бандеролька, Штемпель и Кайсанбек Аланович ступили внутрь. В руке Пошта держал письменное распоряжение Филателиста «предоставить личному составу секретной экспедиции все необходимое». Бумажку он эту всучил Контейнеру, и тот взглянул на нее свирепо, будто на свой смертный приговор. О прижимистости и бережливости Контейнера в Джанкое ходили анекдоты.

Изнутри неказистый, снаружи арсенал внушал благоговение. В сумрачном освещении – окна-бойницы не пропускали много света – тянулись бесконечные стеллажи и ящики с оружием.

– Выбирайте, – буркнул Контейнер. – Что угодно для души.

– Я – пас, – сразу сказал Кайсанбек Аланович. – Мое оружие – мозги, а не пушки. Я вообще пацифист. Ну разве что для самозащиты, – добавил он, беря с ближайшего стеллажа длинноствольный револьвер с рукояткой орехового дерева и матово-черным покрытием. Глаза у профессора заблестели, как у мальчишки в кондитерской лавке. – «Кольт-Питон»! Магнум-триста пятьдесят семь! С ума сойти! Откуда? Такая редкость, его еще до Катастрофы сняли с производства!

Контейнер хмыкнул. Жадность рачительного хозяина уступила место гордости.

– Тут еще и не такое найти можно, – сказал он довольно. – Годами копилось.

Пошта медленно побрел вдоль стеллажей. Глаза разбегались. Оружейные запасы клана листонош отличались разнообразием – тут смешались разные эпохи, разные страны, разные концепции оружия, от самооборонных девайсов до армейских штурмовых винтовок. Рядом с «калашниковым» стоял древний «томпсон», охотничья двухстволка соседствовала с короткоствольным револьвером «детектив спешииел», снайперка Драгунова стояла возле короткого бельгийского ФН-П90, разнообразные клоны знаменитой М-4 теснились на одной полке с помповыми дробовиками, пулеметы, винтовки, ружья и пистолеты безо всякой системы загромождали полки.

Похоже, Контейнер тащил все в свою норку, как жадный хомяк, не удосужившись систематизировать и каталогизировать коллекцию. Теперь придется рыться.

– Ух, ты! – выпалил Пошта, схватив устрашающего вида ружье с барабанным магазином. – АА-12, автоматический дробовик! Круто!

– Поставь на место, – велел Штемпель.

– Что не так? – Хотя Пошта и числился номинальным командиром в этой экспедиции, но в вопросе выбора оружия и снаряжения он безоговорочно уступал роль лидера Штемпелю, как старшему и более опытному члену клана.

– А ты прикинь, – предложил Штемпель. – У него скорострельность – 300 выстрелов в минуту. В барабане – 32 патрона. То есть один барабан ты расстреляешь секунд этак за десять.

– Я возьму больше патронов! – решил Пошта.

– Угу. Только каждый патрон весит грамм пятьдесят, так? С нормальной пулей или навеской картечи. Значит, десять патронов – полкило. Сто патронов – три барабана, или тридцать секунд ведения боя – уже пять килограмм. И сколько ты упрешь на себе? Нет, ружье, конечно, классное, но больше для оборонительной войны. А нам в поход.

– Зато патроны двенадцатого калибра везде достать можно! – парировал Пошта. – В отличие от «магнумов» револьверных, – подколот он профессора, не выпускавшего из рук «Питон». – В крайнем случае – самом накрутить, машинка-то наверняка тут есть!

– Согласен, – кивнул Штемпель. – Дробовик возьмем обязательно. Но не автомат, и даже не полуавтомат – поставь «Вепрь» на место, а самую обычную помпу. «Моссберг-590» или «Ремингтон-870». А лучше даже – пятисотый «Моссберг», укороченный. Патронов всего пять, но зато под курткой спрятать можно. И будешь дважды думать, перед тем как стрелять. Есть у вас в запасах «пятисотки»? – спросил Штемпель у Контейнера.

– Мало, их часто берут, – пожаловался тот. – Но для вас найдем.

У найденного дробовика оказался никелированный дырчатый кожух на стволе (и хорошо, и плохо: с одной стороны – блестит, может выдать, с другой – ржавчина ему не страшна) и прикрепленный к ствольной коробке патронташ на пять гнезд (однозначно хорошо, существенно ускоряет перезарядку). «Моссберг» Штемпель вручил Поште, а потом крепко задумался, чем бы вооружить Бандерольку. С ее-то субтильной комплекцией!

– Как у тебя с терпеливостью? – спросил он девушку.

– Чего? – не поняла та.

– С выдержкой как, говорю?

– Да вроде нормально, не жаловался никто, – пожала плечами Бандеролька.

– На животе спать умеешь?

Бандеролька от удивления открыла рот и хлопнула ресницами.

– Не в смысле – слюни на подушку пускать, – пояснил Штемпель, – а в смысле – спина не болит, если долго лежишь на животе в одной позе?

Бандеролька густо покраснела.

– Не болит, – тихо ответила она.

– Прекрасно. Тогда дам я тебе, красна девица, снайперскую винтовку. Только не Драгунова, а что-нибудь с ручным перезаряданием. Дабы не повадно было жечь боеприпасы. «Ремингтон-700» есть у вас?

Контейнер насутился и покачал головой.

– А что есть из болтовок?

– «Баррет М-98» – съязвил Контейнер. – Под патрон «Лапуа-338».

Штемпель хмыкнул.

– Ну да, ну да. Один выстрел – одно вывихнутое плечо. А менее злобное что есть?

Контейнер задумался.

– Есть «Блейзер-93», – сказал наконец он, выдержав длинную паузу.

– О! Годится. Берем!

Футуристического вида винтовку Штемпель покачал в руках, проверил работу затвора, заглянул в прицел (не забыть пристрелять!) и протянул оробевшей Бандерольке.

– И запомни, Бандеролька. Один выстрел – один труп. Что чувствует снайпер, когда стреляет в человека?

– Не знаю...

– Отдачу винтовки!

Пошта улыбнулся, а Кайсанбек Аланович нахмурился.

– Не нравится мне все это. Вы же листоноши, а не головорезы какие-то! И мы в экспедицию собираемся, а не на войну!

– Вполне возможно, – возразил Пошта, – что война сама придет к нам.

О вчерашних казаках-пластунах он пока друзьям не рассказал, отложил на потом. Чтобы не сеять слухи и панику.

– Но ведь задача клана листонош – восстановить связь, а значит – возродить цивилизацию! – с жаром сказал профессор. – Снайперская винтовка, знаете ли, доставляет только один вид сообщений – некрологи!

– Зато уж наверняка, – угрюмо подтвердил Пошта. – Понимаете, профессор, пока мы восстанавливаем связь, а значит – цивилизацию, очень много людей в Крыму желают обратного. И будут стараться нам помешать.

– Но зачем?! – изумился Кайсанбек Аланович. – Цивилизация несет благо всем!

– Не всем, – встрял в разговор Штемпель. – Вам ли не знать, профессор! Каждый уездный царек, местный феодал, возомнивший себя богом – ну кем он будет при возрожденной цивилизации? Никем, и звать его будут никак. Вот они и сидят по своим норам, управляют стадом таких же кретинов, и наша миссия им поперек горла.

– Ну да, ну да, – погрузился профессор. – Лучше быть первым в деревне, чем вторым – в Риме...

– Где? – удивилась Бандеролька.

– Был такой город... Плохо кончил.

Штемпель решительным жестом прервал беседу.

– Мы отвлеклись. Продолжим. «Кольт-Питон», конечно, это прекрасно, профессор, но, как справедливо заметил Пошта, с патронами к нему в Крыму напряженка. Поэтому я бы вам рекомендовал что-то более распространенное и скорострельное. «Глок» найдется?

– «Глоки» разбирают первыми. Есть «Зиг-Зауэры».

– Тоже сгодится. И пару запасных магазинов.

Профессор разочарованно вернул харизматичный револьвер на место и взял угловатый, но куда более практичный пистолет.

– А кобуру? – застенчиво спросил он.

– Снаряжение – потом, – отрезал Штемпель. – Вообще-то, всем надо бы взять по пистолету. Запасное оружие не повредит. Перейти с автомата на пистолет – всегда быстрее, чем заменить магазин в автомате. И желательно, чтобы все оружие было одного калибра, чтобы не таскать с собой ящики разных патронов. Что еще есть под девять миллиметров?

– «Парабеллумы» есть, не желаете?

– А посовременней?

– Есть «Беретты» девяносто вторые. И «Чезеты».

– Мне со Поштой по «Беретте», – решил Штемпель, – а Бандерольке «чизу» – у нее ладошки-то поменьше будут. Так, а чего это я без основного ствола остался? Дайте-ка мне, уважаемый Контейнер, во-он тот «Тавор». Израильский? Оригинал, не клон?

– Оригинал.

«Тавор» приглянулся Штемпелю из-за компактности (схема булл-пап – магазин в прикладе позади рукоятки, укорачивает оружие почти вдвое) и из-за удобной кнопки сброса магазина. Да и коллиматорный прицел – штука полезная, раздобыть бы еще к нему батареек...

– Ну что, все укомплектованы? – Штемпель оглядел отряд. – Вроде все. Теперь боеприпасы. Берем по две сотни патронов к основному стволу, по сотне – на пистолет. На первое время хватит, прав профессор, не воевать едем, оружие только для самозащиты.

По три магазина. Кобуры, ремни двухточечные. Гидросистемы. Противогазы и химзащита. Знаю, что нам не надо, – предупредил он возражения Пошты. – Профессору понадобится. Да и нам не помешает, мало ли куда занесет. Мы, листоноши, конечно, существа живучие, но зачем зря организм насиловать? Да и для маскировки хорошо, от окружающих не будем сильно отличаться. Рюкзаки...

Штемпель крепко задумался. Был соблазн взять крутые тактические рюкзаки – были у Контейнера трофейные, и «5.11», и «Макспедишн» – да только со всей этой системой «молле» и прочими прикамбасами по Крыму ездить – все равно что с флагом «Мы идем в секретную экспедицию». Поэтому листоноша остановил свой выбор на неприметных, но вместительных туристических рюкзаках – достаточно поношенных, чтобы не возбуждать нездорового интереса у грабителей и мародеров, но все еще крепких, с хорошими жесткими каркасами.

Для запасных магазинов, светосумовых гранат, фонариков и прочих мелких радостей (вроде «герберовского» ножа-мультитула, который Пошта откопал в завалах холодного оружия) Штемпель выбрал компактные разгрузочные системы Д-3, которые легко можно было спрятать под курточкой.

Штемпель надел разгруз, рюкзак, сунул в кобуру пистолет, за спину закинул «Тавор» и попрыгал. Тяжеловато, зато ничего не бренчит. Спутники, глядя на манипуляции Штемпеля, неуклюже повторили ту же процедуру.

– Ну что, – бодро спросил Пошта. – К походу готовы?

До предела нагруженные листоноши и профессор вышли из арсенала. После сырого полумрака («Как там оружие не ржавеет? – мимоходом удивился Пошта, и сам себе ответил: – В смазке оно, Контейнер масла не жалеет») крымское утро ослепило их ярким солнцем и дохнуло в лица раскаленным воздухом.

– Возьмите меня с собой, – раздался ломающийся подростковый голос.

– Костя! – удивился Пошта при виде вчерашнего посыльного. – Ты что тут делаешь? Подслушивал небось?

– Нет... – как-то неуверенно ответил Костя. – Но я никому не расскажу. Только возьмите меня с собой. Я стрелять умею. И бумеранг метать. Машину могу чинить, я движок «Мародера» раза три перебирал, с дядькой, он у меня механик!

Профессор улыбнулся.

– А не мал ты еще?

Мальчишка побагровел.

– Я, между прочим, вчера вон ему, – он яростно ткнул пальцем в Пошту, – жизнь спас!

– Это правда, – подтвердил Пошта. – Но мы все равно тебя с собой не возьмем. Экспедиция – не место для детей.

– Я не ребенок!

– Об этом пусть судят твои родители.

– Нет у меня родителей! Только дядька! И он разрешит!

– Ага, конечно, – хмыкнул Штемпель. – Забудь, пацан. Подрастешь – станешь листоношей, и находишься еще по Крыму. На твой век приключений хватит.

– А будешь болтать про нашу миссию, – добавил Пошта угрожающе, – отдам тебя Контейнеру. Он запрет тебя в арсенале и заставит чистить стволы. Все.

– Не заставит, – Костя едва не плакал, осознав, что его все-таки не берут. – Контейнер – это мой дядька. Он меня скорее заставит конюшни чистить, к оружию не подпустит.

– Ну вот видишь...

Пошта потрепал мальчишку по голове и повел свой маленький отряд в сторону столовой – как раз наступало время завтрака, а значит, там соберутся все свободные в данный момент листоноши. Идеальное время и место для рекрутирования добровольцев в самоубийственную миссию.

Глава 3

Враг у ворот

– С ума спятили, что ли? – пожилой листоноша Телеграф пожал сутулыми плечами. – Какая еще экспедиция? Я только из рейса, почту доставлял в Симфер. Вы вообще в курсе, что на острове творится? Татары лютуют, казаки воюют, бандиты грабят. Порядка нет и скоро совсем не будет. Не, мужики, не пойду. Если б Филателист велел – другое дело, приказ есть приказ, а добровольцем не пойду. Я бы до своих лет не дожил, если б вызывался добровольцем во всякие опасные авантюры.

Пошта вздохнул. Требовать от Филателиста приказать он не мог; да и Филателист, будь он хоть трижды глава клана, не имел права посылать листонош не в регулярные рейды, а в самоубийственные экспедиции. Да и толку от рекрутов, идущих в бой из-под палки? Листонош, особенно таких, как Телеграф, надо было уговорить, замотивировать – но как это сделать, не выдав тайны бункеров?

– Телеграф, – сказал Пошта. – Ты мужик взрослый и серьезный. Видал виды, как говорится. И Филателиста давно знаешь.

– Ха! – Телеграф ухмыльнулся. – Да мы с ним вместе начинали эту цитадель возводить!

– Вот-вот, – кивнул Пошта. – А теперь подумай. Будет Филателист впустую рисковать своими людьми? В такое сложное время – отправлять лучших в непонятную экспедицию?

– Ну... Нет, – пожал плечами Телеграф. – К чему ты клонишь?

– А если на острове дело идет к войне, как ты думаешь, надо листоношам что-то по этому поводу предпринять? – продолжал интриговать Пошта.

– А что мы можем сделать? – Телеграф поднял брови.

– Многое. Ты пойми, Телеграф. Пока ты не согласишься – я тебе не могу рассказать все подробности. Не потому, что не доверяю, а потому что права не имею. Не моя это тайна.

Телеграф хохотнул.

– Ни черта себе расклад. Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что, а пока не подпишешься, даже не скажу, зачем идем. Ох, темнишь брат Пошта! Ох, темнишь!

Пошта улыбнулся.

– Ясно-понятно, что темно. На то есть свои причины.

Очень Поште хотелось завербовать Телеграфа – тогда процесс рекрутинга прочих листонош пошел бы гораздо легче. Пошта не знал, как обстояли дела у Штемпеля и Бандерольки, но его самого уже четыре раза послали вежливо, и дважды – в грубой форме. Если Телеграф согласится, дальше пойдет легче. Во-первых, Телеграф отличался феноменальной везучестью, был таким живым амулетом любой экспедиции. А во-вторых, если такой матерый член клана, как Телеграф, на что-то соглашается, молодым следует брать с него пример.

– Эх, – Телеграф отхлебнул пива, – нравишься ты мне, Пошта. Есть в тебе что-то похожее на меня, каким я был лет двадцать назад. Пожалуй, что подпишусь. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Пошта радостно поднял пивную кружку и замер – странный высокий звук (почти на пределе слышимости) донесся с улицы. Вой? Писк? Гул? Нет, что-то другое.

Телеграф вдруг вскочил и заорал:

– Ложись! Воздух!

И прежде чем Пошта понял, что старый листоноша имел в виду, Телеграф схватил его за шкуру и сунул под стол. На улице глухо ахнуло, земля вздрогнула, и зазвенело битое стекло. Моментально запахло пылью, дымом, разрытой сухой землей и кровью. Кто-то истошно завопил, и поверх крика опять раздался этот странный звук – вой падающих бомб.

– Артобстрел! – сообразил Пошта, уже сидя под столом. Телеграф кивнул, прикрывая голову руками. С улицы донесся еще вой, потом взрыв. И еще. И еще.

Остро и кисло запахло кровью. Листоноши, кто успел, попрятались под столами и рухнули плашмя на пол. Осколки битого стекла устлали все горизонтальные поверхности, и если бы не пыль от взрывов, оседавшая сверху, все вокруг бы сверкало и переливалось. От грохота звенело в ушах. Пошта вспомнил, что при близких взрывах надо открыть рот, чтобы уравнять давление воздуха внутри носоглотки – иначе повывают к чертям барабанные перепонки. А оглохнуть ему совсем не улыбалось.

Телеграф приподнялся на локтях, огляделся и по-пластунски пополз к выходу.

– Ползи за мной, – скомандовал он Поште. – А то накроют нас тут, как цыплят в курятнике! И вы тоже, – прикрикнул он остальным листоношам, оцепеневшим и растерявшимся. – Ползите давайте, здесь вам не бомбоубежище! В арсенал, брать стволы и по боевым позициям! За артподготовкой наверняка будет штурм!

Пошта мысленно согласился со старым собратом. Это не разовая атака из разряда «проезжали мимо – дай, думаю, шмальну из гранатомета» каких-нибудь одичалых кочевников. Нет, бомбили плотно и серьезно, чуть ли не пытались раскатать цитадель листонош в плоский блин.

Но кто? Казаки? Вчера заслали диверсантов, сегодня решили разбомбить? Смысл тогда слать лазутчиков-пластунов?!

Когда листоноши доползли до дверей столовой, снаружи раздались первые автоматные очереди. Итак, штурм. Пошта осторожно выглянул: улицы поселка были пусты и изрыты воронками – но в целом пострадали гораздо меньше, чем можно было ожидать, учитывая количество взрывов.

Прямо перед столовой на земле валялась неразорвавшаяся минометная мина – этакий вытянутый черный лимон с хвостовым оперением, пузатый, смертоносный.

Минометы? Ни фиги себе! Это не РПГ, который на плечо взвалил – и стреляй. К каждому миномету полагается три человека obsługi, стреляли часто – значит, минометов много, следовательно, численность противника высокая.

Пошта привстал на четвереньки, быстро посмотрел по сторонам – никого! – и с низкого старта рванул в арсенал.

Над крышами домов виднелись столбы дыма: противник обстреливал окраины цитадели, скорее всего, пытался разрушить неприступные стены. Где-то кипел ожесточенный бой: трещали автоматы, басовито гудел пулемет, слышались одиночные хлопки ручных гранат. Сухо щелкали снайперские винтовки.

– Копать-колотить! – Пошта добежал до угла, выдохнул, выглянул.

Инстинкты велели прижаться к стене, чтобы не зацепило шальной пулей, но Пошта знал, что делать этого не следует. Пуля – не бильярдный шар, угол падения которого всегда равен углу отражения. Пуля же, остроконечная автоматная пуля со стальным сердечником, попадая в стену, рикошетит под непредсказуемым углом и чаще всего летит дальше вдоль стены, на расстоянии где-то в полметра. Поэтому ближе, чем на полметра, к стене во время боя прижиматься опасно – не пуля, так осколки кирпича заденут обязательно.

– Чего встал? – прикрикнул на него Телеграф.

– Вроде можно, – оценил обстановку Пошта и крикнул: – Вперед!

Короткими перебежками от укрытия до укрытия Пошта, Телеграф и еще трое молодых листонош добежали до арсенала. Там царил хорошо организованный бардак: все, кто успел добраться до складов оружия, спешно хватали хоть что-нибудь, что под руку подвернется, и спешили на посты. Контейнер, ошалевший от такого наплыва клиентов, проявлял чудеса щедрости и ловкости, следя за тем, чтобы листоноши не схватили, скажем, патроны не того калибра, или что-нибудь совсем уж эдакое, из чего только стрелять полгода учиться надо, а попадать – так целых два.

То, что Пошта, Штемпель и Бандеролька отобрали для экспедиции, сейчас хранилось уже в багажнике «Мародера», то бишь – слишком далеко. Поэтому Пошта, оценив иронию ситуации (выбирали-выбирали, выбрали, спрятали, а теперь будем воевать чем попало) схватил с полки первый попавшийся «калаш», старый «лифчик» с четырьмя кармашками – в каждом по два магазина, итого восемь и один в автомате, двести семьдесят патронов, должно хватить на какое-то время – и выскочил на улицу.

По боевому расписанию Поште следовало охранять Южные ворота. По идее, Штемпель и Бандеролька уже должны были быть там. Телеграф, подписавшись на экспедицию, тем самым признал главенство Пошты и последовал за ним.

Когда они добежали до Южных ворот цитадели, их ждал сюрприз: ворот больше не было. Их разбомбили в щепки, и только два блиндажа из мешков с песком уцелели. В одном блиндаже сидела Бандеролька с древней трехлинейкой в руках, а в другом – Штемпель с пулеметом и парочкой выстрелов для РПГ. Самого гранатомета у него не было.

– Прибыл! – доложил Пошта, врываясь в блиндаж Штемпеля. Краем глаза он увидел, что Телеграф решил пойти на помощь Бандерольке.

– Ленту подай, – спокойно попросил Штемпель, отрываясь на секунду от стрельбы.

Пошта схватил с пола цинк с патронами, откинул крышку и протянул другу ленту. Штемпель прекратил стрелять длинными очередями, откинул затвор пулемета – изнутри пыхнуло жаром, как из доменной печи – и деловито стал менять ленту. Пошта занял позицию и начал постреливать короткими, в три выстрела, очередями по бегающим в дыму фигуркам.

– С кем воюем? – осведомился он.

– Фиг их знает, – ответил Штемпель, возвращая пулемет на бруствер. – По-моему, татары...

– Татары? Египетская сила! – удивился Пошта. – С какого перепугу? Чего им здесь надо? Я бы еще понял, если казаки...

– А почему казаки? – спросил Штемпель.

– Да так... Был вчера один инцидент, – уклончиво ответил Пошта, не вдаваясь в подробности. – А почему ты решил, что это татары?

– Лопочут не по-нашему. Тут один пробрался через стену – кошку закинул, по веревке залез, двоих наших успел положить, ножом, прикинь! Так вот он перед смертью – Бандеролька ему башку прострелила – крикнул чего-то типа «аллах акбар». Ну кто еще, если не татары?

«Совсем хан Гирей с ума спятил, – решил Пошта. Додуматься надо – на листонош нападать! Чего ж им всем у нас надо?».

Как чего! Перфокарта им нужна. Карта бункеров. Технология. Власть над миром.

Но откуда они о ней узнали?!

Возможно, среди листонош завелся «крот».

Самая мерзкая мысль на свете. После нее перестаешь доверять братьям, товарищам, друзьям. Начинаешь всех подозревать. Парализуешь весь клан одной фразой.

«Нет, об этом я подумаю завтра, – решил Пошта. – Если доживу. И вслух пока произносить не буду. Потому что это пока даже не предположение, а так – догадка, основанная на интуиции».

Пока займемся делами насущными.

– Сколько их, не прикидывал? – спросил Пошта, меняя магазин.

– Сложно сказать, они пока особо не высовываются, – ответил Штемпель.

– А где наша артиллерия?

В клане листонош было целых две пушки – обе стреляли, но ездила только одна. Постоянный предмет шуток и повод для насмешек над Контейнером – ему еще предлагали подводной лодкой обзавестись, куда ж без нее в степи! А вот и дошутились – сейчас бы пальнуть по

позициям противника парочкой подкалиберных, а потом еще парочкой осколочных – и вопрос бы снялся сам собой.

– Кончилась артиллерия, – Штемпель резко дернул подбородком. – Первую гаубицу накрыли первым же залпом из миномета, как будто специально целились и знали, где она стоит. А вторая – безоткатка – взорвалась при собственном выстреле. Что-то в стволе.

«Пахнет диверсией», – подумал Пошта, но промолчал.

– Эти черти, – продолжал говорить в перерывах между очередями Штемпель – разбомбили все сторожевые вышки и блокпосты, взорвали ворота. Но саму цитадель не трогали – видно, что-то им тут надо. Или кто-то. Но, я думаю, у них с боеприпасом напряженка. Видно, нашли где-то армейский склад, да весь и выпуляли. Сейчас в штыковую пойдут, мы их и положим. У нас-то патронов поболее будет, да и обороняться всегда легче, чем наступать.

Но тут случилось непредвиденное. Атака татар вроде захлебнулась, сменившись короткими наглыми вылазками, которые листоноши пресекали в зародыше. Татары залегли и вяло постреливали по блиндажу, Бандеролька отвечала точными выстрелами из трехлинейки (все-таки Штемпель в ней не ошибся – девчонка прирожденный снайпер). Казалось, вот-вот и татарское начальство, какой-нибудь там юз-баши или он-баши – Пошта не помнил, как точно в Ханстве называются десятники и сотники – даст команду отступать, но у мусульман нашелся свой козырь в рукаве.

БТР!

Древний, весь побитый, латаный-перелатаный, пятнистого серо-буро-малинового цвета, он выполз из клубов дыма, натужно воя движком и фыркая выхлопом.

На башне БТРа стоял, как и полагается, пулемет КПВТ – калибра двенадцать целых и семь десятых миллиметра. Такая дурища разнесет блиндаж из мешков с песком с одной очереди.

– Где РПГ?! – заорал Пошта, хватая выстрелы к вышеозначенному оружию.

– За воротами валяется, – ответил Штемпель. – Гранатометчик, салага неопытный, выскочил – вот его и убило.

– Прикрой меня, я сгоняю!

– С ума сошел?! – закричал Штемпель, но Пошта уже выскочил из блиндажа.

В беготне под пулями есть один секрет: каждые два шага надо менять направление бега, а каждые пять-шесть – уровень своей головы относительно поверхности земли, то бишь присесть, кувыркаться, ползать по-пластунски и так далее. От шальной пули это, конечно, не спасет – но на то она и шальная; а вот от снайпера – очень даже.

На том месте, где когда-то были Южные ворота цитадели листонош, сейчас зияли воронки от бомб. Возле одной из воронок лежал убитый. Пошта кувыркнулся в сторону трупа, прыгнул в воронку и стащил тело противника за собой. Над головой рассерженным осами гудели пули.

Пошта сорвал с трупа маску. Точно, татарин! Так, а что у тебя в разгрузе? Аптечка, сухпай, малая пехотная лопатка, ошибочно именуемая саперной, ты что, дружок, не на войну, а на строительные работы собрался? Ага, вот они. Дымовые шашки. То, что мне нужно.

Каждая дымовуха представляла собой алюминиевый цилиндр, сантиметров двадцати в длину и около пяти – в диаметре. Пошта выдернул зубами оба запальных шнура и швырнул дымовые шашки в сторону неторопливо приближающегося БТРа.

Когда поле боя основательно заволочло серым дымом, Пошта продолжил свой бег с кувырками и так далее к убитому гранатометчику. Тому на вид было лет двадцать. Неудивительно, что пацан сглупил и решил идти в атаку. А вот и РПГ, заряженный, мальчишка даже выстрелить не успел.

Пошта подхватил гранатомет, встал на одно колено, поймал в прицел уродливую тушу бронетранспортера.

Выстрел! И ракета, оставив после себя густой белый след, пронеслась в паре сантиметров от брони.

Мимо! Ну что ж за день сегодня такой!

Бронетранспортер, оценив угрозу, начал разворачивать башню с КПВТ в сторону Пошты.

А взять с собой пару запасных выстрелов Пошта, конечно же, не догадался. Вот что значит принимать решения впопыхах!

Пошта стремглав метнулся обратно, когда басовито зарокотал КПВТ. Каждая пуля взбивала из земли фонтан грязи метра в полтора. Пошта бежал, как заяц, петляя и прыгая, и только благодаря этому ни одна из маленьких, но стопроцентно гарантированных смертей его не задела.

Пробегая мимо второго блиндажа, Пошта услышал, как Телеграф ругается с Бандеролькой:

– Не трать зря патроны! – отчитывал девушку пожилой листоноша. – Все равно броню не пробьют!

– Я по смотровым щелям стреляю! – азартно отвечала Бандеролька.

Когда Пошта кувырком ввалился в блиндаж Штемпеля, тот приветствовал его восхищенным выдохом и отеческим подзатыльником:

– Ну ты и дурак! Везучий, конечно, но такой дурак!

– Подай гранату, пожалуйста, – как ни в чем ни бывало попросил Пошта. – А то забыл с собой захватить.

Дальнейшее было просто: зарядить РПГ, проверить, нет ли чего позади стрелка на расстоянии пару метров, взять упор о бруствер, подпустить бронетранспортер поближе. Прицелиться. Выстрелить.

В этот раз Пошта не промахнулся – реактивная граната попала точно в тупое рыло бронетранспортера. Кумулятивный заряд прожег броню, волна сжатых раскаленных газов убила экипаж, а потом сдетонировал боезапас и баки с соляжкой.

БТР превратился в огненный шар.

От взрыва содрогнулась земля. Потеря столь ценной техники, очевидно, деморализовала противника и послужила сигналом к началу отступления. Листоноши проводили убегающего противника дружескими очередями из пулеметов и автоматов.

Пошта закинул «калаш» за спину и резюмировал:

– Ну что, вроде отбились?

– Ф-фу, – выдохнул Штемпель. – Отбились. Но с трудом. Если бы не ты и твоя дурная везучесть...

– Ладно, – отмахнулся Пошта, – не надо оваций. Пойдем, проверим, как на остальных постах. Кстати, я Телеграфа уговорил с нами пойти, а значит, и остальные подтянутся. Вот он-то как раз везучий, мне до него еще расти и расти.

Клану удалось отбить набег татар, но с существенными потерями – и в личном составе, и материальными. Минометный и ракетный обстрел полностью уничтожил Южные и Северные ворота цитадели, серьезно пострадал склад провианта и сортировочная станция. Через Северные ворота, вернее, то, что от них осталось, в Джанкой прорвались разрозненные группы татар, но были уничтожены листоношами в ожесточенных уличных боях. Диверсанты успели обстрелять арсенал, прежде чем Контейнер смел их ураганным огнем из шестиствольного пулемета на крыше здания. Также татары попытались штурмовать офицерский барак, он же штаб клана, и, если бы не племянник Контейнера, шустрый мальчишка Костя, нападение бы удалось. Пацан успел подать сигнал тревоги и даже срубил одного из нападавших своим бумерангом, после чего на помощь поспешил отряд листонош и выкосил диверсантов всех до единого, не взяв, к сожалению, ни одного пленного. Хотя и без «языка» было очевидно, что именно штаб Филателиста интересовал нападающих больше всего...

Детали головоломки складывались в одну картину.

Филателист отозвал Пошту и, пока остальные члены клана убивали тела своих и чужих убитых, подметали гильзы и укрепляли поврежденные здания, сказал мрачно:

– Началось. Даже раньше, чем мы предполагали. Сначала казаки, теперь татары. Чует мое сердце, следующими будут бандиты Рыжехвоста. Времени нет совсем. Вам пора выдвигаться, пока нас не смяли. Долго мы не продержимся.

– Мы не успели толком набрать отряд, – возразил Пошта. – Снаряжение, оружие, карты...

– Выезжайте прямо сейчас, – Филателист был непреклонен. – Скорость прежде всего. Или мы доберемся до бункеров первыми, или нам – конец.

– Понял, – кивнул Пошта и пошел собирать своих людей, потрепанных, усталых, жаждущих холодного пива и сна – чтобы обрадовать, что им прямо сейчас в экспедицию.

Что поделаться, не всегда лидера любят. Иногда и матерят сквозь зубы.

Интерлюдия Позывной «Буревестник»

Словно ленивый неповоротливый зверь, баркас «Буревестник» пытался уйти от погони, неспешно маневрируя среди обросших кораллами спин горбатых китов. Капитан Воха уверенными движениями крутил штурвал то вправо, то влево, бросая баркас в узкие просветы между многотонными тушами животных. В машинном отделении, ругаясь благим матом, орудовали лопатами матросы Железняк и Бакула. Отработанными за долгие годы службы на флоте практически до автоматизма движениями, матросы закидывали в топку древесный уголь, не забывая при этом поглядывать на датчики давления и пара.

Капитан, спокойный, словно индейский вождь, пристроил баркас параллельным курсом меж двух китов, самцом и самкой. Левиафаны то и дело появлялись из воды, чтобы совершить очередной глубокий вдох, прежде чем вновь уйти на глубину. От каждого подобного всплытия на баркас обрушивались мощные волны, грозящие того и гляди перевернуть судно на бок. Но Воха слыл бывалым моряком и всякий раз успевал отвести баркас чуть в сторону, чтобы с противоположного борта его поддержала волна от всплытия второго кита. Таким образом он не только поддерживал баркас на плаву, но и весьма успешно прикрывался китовыми тушами от пушек и пулеметов преследователей. Единственным недостатком подобной тактики было то, что в результате страшной болтанки всех членов экипажа и единственного пассажира «Буревестника» безжалостно мотало по палубе. Если бы, перед тем как укрыться в китовой стае, Воха не отдал приказ всем обвязать себя страховочными тросами, то к этому моменту капитан мог бы не досчитаться нескольких человек.

Почуввав небольшую передышку, капитан включил рацию и в очередной раз попытался призвать кого-нибудь на помощь.

– Всем, кто меня слышит. Говорит капитан корабля «Буревестник». В водах неподалеку от Гурзуфа мы подверглись нападению пиратской флотилии. Нужна помощь. Повторяю. Всем, кто меня слышит...

Радиоэфир отвечал лишь помехами и шумами. Капитан было подумал, что пираты глушат его сигнал, но потом отбросил эту мысль. Откуда у морских падальщиков подобные технологии? Скорее всего, у его радики просто не хватает мощности для того чтобы пробиться сквозь эфирные помехи, доставшиеся в наследство от Катастрофы.

– Капитан! Хватить глотку драть. Лучше сдай свой «Буревестник» нам и, возможно, мы сохраним жизнь тебе и твоим людям.

Голос, обратившийся к нему по радики, капитан Воха знал гораздо лучше, чем ему бы хотелось. Рыжехвост, один из главарей отребья, что называет себя пиратами. Много лет назад сотни воров, убийц, насильников и прочих маргинальных элементов общества собрались в городе Краснопресненске и переименовали его в Тортугу. Собрав уцелевшие после Катастрофы катера, яхты и другие оставшиеся на плаву суда, так называемые пираты стали промышлять в водах вокруг острова. Далеко от берега они не ходили, так как там могла встретиться живность, которая запросто могла бы использовать прогулочный катер вместо зубочистки. Вот и промышляли пираты набегами на прибрежные поселения или грабежами цивилизованного флота.

К последним и относился баркас капитана Вохи. В этот раз «Буревестник» совершал не вполне стандартный для него рейс из Ялты в Судак. Судно зафрахтовал молчаливый парень, оплативший проезд настоящими драгоценными камнями. Но за такой щедрый куш он потребовал выйти из порта глубокой ночью, не зажигая огней. Как говорится, хозяин-барин. «Буревестник» шел вдоль берега медленно и степенно, делая узлов десять, не больше. Но ранним

утром из неприметной бухты наперерез баркасу бросился пиратский лайнер на подводных крыльях.

У баркаса ещё был небольшой шанс дотянуть до Гузуфа и укрыться там, но в этот момент на мостик ворвался наниматель и принялся уговаривать капитана Воху не пытаться уйти от погони, а тихо-мирно сдаться на милость пиратам.

– У меня ещё есть горсть золотых цепочек с бриллиантами, мы легко и безболезненно откупимся от пиратов. Больше на вашем баркасе нет ничего ценного. Они пороются в трюме и отпустят нас.

– Во-первых, плохо ты знаешь повадки пиратов, приятель, – как всегда невозмутимо ответил капитан, – во-вторых, у нас неплохие шансы оторваться от этих бакланов.

Но пока капитан и пассажир пререкались, со стороны Гузуфа появились ещё несколько лодок и катеров с черными полотнищами на флагштоках.

– Грот-мачту вам всем в задницу по самый такелаж! – выругался Воха, разворачивая баркас прочь от береговой линии. После чего капитан склонился к медной трубе рядом со штурвалом и закричал: – Железняк! Бакула! А ну подкиньте угольку, у нас гости нарисовались!

– Есть, капитан! – откликнулся из трубы искаженный глухой голос то ли Железняка, то ли Бакулы.

Шансов у «Буревестника» уйти в открытом море от быстроходного судна не было никаких. Но Воха заметил водяные фонтаны и черные силуэты вынырывающих из воды горбатых китов. Эти древние млекопитающие каким-то образом смогли противостоять мутациям и практически не отличались от своих довоенных сородичей, вот только размерами стали побольше. Другое дело, что поблизости от китов вполне мог обнаружиться кракен или другой морской хищник. Но капитан предпочитал об этом не думать.

– Что вы делаете? – взвыл дурным голосом пассажир, понимая, что сдаваться капитан не намерен. – Заглушите двигатель!

Пассажир успел сделать всего один шаг в сторону застывшего у штурвала капитана, как тут же путь ему преградил шкипер Куркулис. Старый морской волк, служивший когда-то на сухогрузах в водах Прибалтики, вырос перед пассажиром, словно неприступный утес.

– Капитан знает свое дело. Попрошу покинуть мостик.

Сказано это было таким тоном, что пассажир не посмел ослушаться, лишь, злобно сверкая глазами, выбрался на палубу и сел рядом с бухтой якорной цепи.

– Спасибо, шкипер, – не оборачиваясь, поблагодарил капитан, – передай всем на палубе, что нужно закрепить груз. И проверь, чтобы каждый обмотался страховочным тросом. Сейчас нас слегка покачает.

– Да, капитан.

Шкипер отправился выполнять поручение капитана, а Воха тем временем пристально вглядывался в просветы между черными китовыми тушами. В небе появились десятки огромных чаек, пикирующих одна за другой в воду и подбирающие оглушенную и дезориентированную движениями китов рыбу. Одной из птиц не повезло. Стоило ей приблизиться к водной глади, как навстречу ей взлетела толстая, покрытая блестящей на солнце чешуей морская змея. Гадина буквально слопала чайку на лету и рухнула обратно в воду. Пернатые недолго оплакивали неудачливую товарку и вскоре вновь принялись опускаться на воду в поисках добычи.

Капитан счел развернувшуюся на его глазах драму хорошим знаком. Если вода кишела морской живностью, следовательно, крупнее китов в этом районе никого не было. Отбросив последние сомнения, Воха смело повел «Буревестника» в центр китовой стаи.

И вот уже час как баркас укрывался за горбатыми спинами. Быстроходный пиратский лайнер неотступно сопровождал их, следуя параллельным курсом и между китами и береговой линией, таким образом отрезая баркасу всякую возможность прорваться и укрыться в одной из

многочисленных бухточек. Остальные пиратские суденышки уже давно отстали, не способные поддержать заданный «Буревестником» и китами темп.

Но Фортуна – капризная женщина, переменчивая, словно роза ветров. Вскоре она оставила капитана Воху.

Пираты, утратив терпение, открыли огонь. Целились они не в баркас, а в одного из горбатых китов. Вспенив морскую гладь, от лайнера в сторону кита устремилась торпеда. Бум! На этот раз водяной фонтан окрасился алым. Вместе с каплями на палубу «Буревестника» посыпались куски китовой плоти. После чего море словно обрело возможность разговаривать.

Отчаянные протяжные завывания буквально заставили людей закричать от боли, упасть на колени и пытаться заткнуть уши, лишь бы не слышать этот леденящий душу звук. Горбатый кит умирал и плакал от непонимания. За что? За что эта стальная рыба причинила ему такую адскую боль? Его сородичи, горбатые киты, отвечали ему. И вся эта какофония была просто невыносима для человеческого слуха.

Киты остановились и закружили на месте.

Капитан Воха, пытаясь не потерять сознание, из последних сил маневрировал между горбатыми исполинами, стараясь увести баркас как можно дальше от умирающего левиафана. Заметив это, пираты обошли стаю по широкой дуге, и буквально через несколько минут их лайнер догнал баркас. Закинув абордажные крючья, пираты ловко подтянули судна борт к борту.

Поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, Воха склонился к переговорной трубе.

– Железняк! Стоп машина!

– Есть! – судя по голосу, матросы в кочегарке были только рады окончанию погони. Скорее всего, они просто рухнули на месте, обессиленные и уставшие.

Утирая со лба пот, капитан Воха вышел на палубу, чтобы первым встретить захватчиков.

С лайнера на баркас уже перекинули деревянные сходни, по которым на узкую палубу «Буревестника», словно тараканы, высыпались пираты. Грязные, в засаленной одежде, они больше напоминали бездомных, нежели моряков. Однако в руках они держали вполне работоспособное новенькое оружие – автоматы Калашникова, охотничьи ружья и дробовики. Один рослый патлатый пират зачем-то притащил с собой ручной пулемет. Стоило экипажу баркаса сделать хоть одно неосторожное движение, как их тут же превратили бы в нашпигованную свинцом отбивную. А если учитывать наличие пулемета, то сразу в кровавый фарш.

Экипаж захваченного баркаса встал вдоль борта, угрюмо поглядывая на пиратов. Пассажир так и остался сидеть у бухты, словно происходящее на палубе его не касалось в принципе.

Капитан лишь покосился на пассажира и встал перед своими подчиненными, словно пытаясь закрыть их своим телом. Воха до последнего не терял надежду на то, что пираты их отпустят, но стоило ему увидеть главаря захватчиков, как настроение его резко ухудшилось. Вальяжной походкой на палубу баркаса ступил сам Рыжехвост, один из самых прославленных среди пиратской флотилии душегубов. Не узнать его было просто не возможно. Огненная грива была его визитной карточкой.

Рыжехвост вскользь посмотрел на экипаж и уставился на сидевшего к нему спиной единственного пассажира «Буревестника».

– Ещё кто-нибудь на судне есть? – спросил главарь властным голосом.

– В машинном отделении два кочегара, – капитан Воха по-прежнему был невозмутим. Он смело смотрел в глаза Рыжехвоста, в отличие от своих подчиненных, старавшихся не привлекать к себе ненужного внимания. – Остальные все здесь.

– Хорошо, если так, – весело цыкнул языком рыжеволосый главарь и бросил одному из подчиненных, – Проверь!

Сразу трое пиратов ринулись в трюм, через несколько минут на палубу выползли чумазые от угольной пыли Железняк и Бакула. У последнего, видный даже под толстым слоем копоти,

под глазом наливался синяк. Было ясно, что просто так подчиняться командам захватчиков матросы не пожелали.

Вслед за кочегарами появились пираты и отрапортовали.

– Чисто, капитан.

– Хорошо, – повторил Рыжехвост и обратился к притихшему пассажиру. – Позвольте узнать, любезный, вы чьих будете?

Пассажир наконец-то обернулся и посмотрел на Рыжехвоста снизу вверх.

– Моё имя Мирон. Я простой путешественник, плыл домой в Судак.

– Да-да, всего лишь простой путешественник, – расхохотался в ответ Рыжехвост, и пираты тут же поддержали своего главаря дружным гоготом, – у которого хватило средств, чтобы нанять баркас. Любезный, вы мне тут не лепите горбатого. А то мои ребята уже продемонстрировали, как у нас принято поступать с такими.

Рыжехвост ткнул толстым пальцем в сторону плавающей неподалеку туши мертвого горбатого кита. Пассажир взглянул в указанном направлении и неприязненно поморщился.

– Капитан, мы могли бы поговорить с вами наедине?

– Я что, по-твоему, красна девица, чтобы со мной наедине разговаривать? У меня от моей команды секретов нет! – палуба вновь затряслась от всеобщего приступа пиратского веселья.

– Хорошо, раз вы настаиваете, – пассажир потянулся достать что-то из внутреннего кармана своей куртки, и тут же ему в лоб уперся ствол капитанской беретты.

– Не так шустро, любезный, – в голосе Рыжехвоста зазвенел металл.

– Простите, капитан, – миролюбиво ответил пассажир и как можно медленней достал из кармана связку золотых цепочек, на каждой из которых сверкали бриллианты. По палубе пронёсся общий восхищенный вздох, бриллианты заблестели во взглядах пиратов искрами алчности.

– Тихо! – рявкнул Рыжехвост и вырвал драгоценности из руки пассажира. – И что вы за это хотите, любезный? Чтобы я удовлетворился этими побрякушками и убрался восвояси?

Пассажир напряженно смотрел на пиратского капитана, понимая, что его затея может с треском провалиться.

– Можно и так сказать.

Рыжехвост ещё некоторое время полюбовался игрой света на драгоценных камнях, после чего, не глядя, швырнул их за спину. Цепочки ещё не успели упасть на палубу, как в том месте тут же образовалась куча мала. Пираты отчаянно дрались за добычу, отвешивая друг другу увесистые тумачи и зуботычины. Рыжехвост даже не взглянул на эту безобразную свалку, продолжая допрос пассажира.

– Мне кажется, у вас найдется что-то гораздо ценнее этих цацек. Взять его, тащите на наш корабль и бросьте в трюм.

Четверо дюжих пиратов бросились выполнять приказ капитана. Но скрутить пассажира они смогли с большим трудом. Несчастный сдался лишь тогда, когда в затылок ему вновь уперся ствол пистолета. Пираты быстро связали пассажира по рукам и ногам и словно ценный груз понесли на руках на свой лайнер.

Проводив их взглядом, Рыжехвост подошел к бухте якорной цепи и внимательно осмотрел её изнутри. После чего радостно хмыкнул и жестом фокусника достал из неё небольшой стальной чемоданчик с кодовым замком.

– Джек-пот! Это как раз то, что мы искали.

Фальшиво насвистывая какую-то мелодию, главарь пиратов поднялся на сходни. Кинув последний взгляд на застывшую вдоль борта команду «Буревестника», Рыжехвост отдал распоряжение своему помощнику.

– Экипаж связать и оставить на палубе. Как только отойдем подальше, пустите им торпеду по ватерлинии. Будет им наука, что не стоит пытаться убежать от капитана Рыжехвоста.

– Будет сделано, – радостно осклабился помощник и бросился выполнять приказ.

Когда пиратский лайнер отошел на безопасное расстояние, установленная на его корме крупнокалиберная пушка плюнула огнем, послав снаряд в сторону беззащитного баркаса. Пираты одобрительно загудели, глядя на то, как обреченное судно начинает медленно погружаться в холодную морскую воду. Взревев двигателем, пиратское судно умчалось прочь.

Стоило лайнеру исчезнуть из виду, как из-под воды рядом с баркасом показался аква-лангист. Облаченный в допотопный костюм для подводного плавания, шкипер Куркулис медленно забирался по специальным поручням на борт «Буревестника».

– Я уж думал, тебя катраны съели, – ворчливо поприветствовал шкипера капитан Воха.

– Я сам кого хочешь съем, – отмахнулся Куркулис, скидывая тяжелый баллон с дыхательной смесью. Разоблачившись, шкипер достал из ножен на поясе узкий нож и перерезал путы на руках капитана. Вдвоем они быстро освободили остальных членов экипажа.

– Так, Железняк и Бакула, пулей дуйте в трюм и включайте насос. Шкипер, ты зачем костюм снял?

– Что значит «зачем»?

– А кто пробоину снаружи латать будет? Натягивай костюм обратно и лезь в воду! Раз тебя катраны есть не хотят, твоя кандидатура лучше всего подходит на роль подводного ремонтника.

– Вот так всегда, – заворчал в ответ Куркулис, – даже элементарного «спасибо» от тебя не дождешься.

– «Спасибо» я тебе выставлю в жидкой валюте по возвращению в порт. А сейчас марш за работу, бездельники!

Матросы приступили к ремонту судна. Глядя на их слаженные действия, капитан испытал чувство гордости. Жаль, конечно, что пираты захватили в плен пассажира. Но судя по тому, что они знали о чемоданчике с кодовым замком (о наличии которого даже Воха был не в курсе), действовали пираты по чьей-то наводке.

– Мы ещё встретимся, Рыжехвост, – пробормотал капитан Воха, – обязательно встретимся.

Глава 4

Заяц и мыши

Шоссе номер М-17, соединяющее Джанкой с Феодосией, знавало и лучшие времена – хотя, как говаривали знающие люди, и до Катастрофы не отличалось качеством асфальта. Сейчас же, много лет спустя после чудовищного катаклизма, от шоссе осталось только название да направление. По сути, это была разъезженная колея посреди степи, отличавшаяся от окружающей пустоши лишь чуть более серым цветом из-за рассыпавшегося в мелкую крошку древнего асфальта. На обочинах колеи росли дикие травы, желтые, зеленые, даже красные – сухие и ломкие от жары. Само шоссе пересохло и растрескалось, местами зияли рытвины и выбоины.

Если бы листоноши ехали верхом, наверное, скорость была бы даже выше: кони-мутанты легко бы скакали что по степи, что по шоссе, срезая углы и перескакивая через препятствия. Но, увы, Один и его собраты остались в конюшне клана, а Пошта сидел за рулем «Мародера», рядом с Бандеролькой, на заднем сиденье дремал профессор Кайсанбек Аланович. Телеграфу и Штемпелю достался старый, но еще крепкий «Тигр» с переделанным под грузовик кузовом – туда сложили все наспех собранные припасы, в том числе бочки с солярой и мешки с углем.

Обе машины, теоретически, считались внедорожниками – но Пошта не хотел рисковать и гнать напрямую через степь. Влетишь в какой-нибудь овраг и русло пересохшего ручья, и дальше придется идти пешком. Поэтому ехали по дороге.

Вскоре на горизонте показался старый покосившийся знак «Азовское». За ним виднелись десятка полтора полуразрушенных строений из белого песчаника. Пошта притормозил на въезде в поселок – хоть и заброшенный, тот мог служить прибежищем каким-нибудь мутантам или бандитам – и поехал очень медленно, поглядывая по сторонам.

Со слов Филателиста Пошта знал, что здесь, в ближайшем населенном (поправка: некогда населенном) пункте, у листонош был тайный склад с горючим. Филателист, будучи трезвомыслящим человеком, не складывал все яйца в одну корзинку, и, обустроив цитадель клана, предвидел возможную эвакуацию в случае массированного нападения.

Поэтому на черный день в Азовском были зарыты в условленном месте несколько цистерн с дизельным топливом – достаточно, чтобы дозаправить караван с эвакуированными листоношами. На черный день, так сказать.

«Вот он и настал, черный день», – подумал Пошта грустно. Ему было больно и горько покидать родную цитадель в таком состоянии – разбомбленную, обстрелянную, залитую кровью. Еще горше было потрошить запасы клана, сделанные на всех.

Но ведь и миссия у Пошты – одна на всех. Важнее дела нет ни у кого в Крыму.

Условленным местом была, как ни парадоксально, бывшая заправка. Ну логично – кто же станет искать запасы топлива там, где уже все давным-давно обыскали и выкачали до капельки.

Пошта остановил «Мародер» возле здания заправки – оно, как ни странно, практически уцелело, только окна разбились, и из рам торчали острые, как клыки, осколки стекла, и вылез из машины, с наслаждением размяв ноги.

Телеграф припарковал «Тигр» чуть сзади и сбоку, чтобы не перекрывать выезд, если придется удирать, и тоже вылез наружу. Следом выбрался Штемпель. Судя по настроению, они всю дорогу ругались из-за чего-то не слишком серьезного – то бишь не ругались по настоящему, а так, переругивались для поддержания беседы.

– Что, приехали? – осведомился Телеграф.

– Почти, – сказал Пошта. – Пополняем запасы.

Телеграф скептически выгнул бровь:

– Здесь? В этих руинах?

– Угу, – кивнул Пошта. – Именно здесь. Под этим зданием Филателист и Контейнер спрятали цистерну с соляжкой. На всякий случай. Здесь мы наполним бочки – мы же взяли пустые бочки, да, Бандеролька? – и поедем дальше, в Советский. А там уже будем думать, как нам одной задницей сесть на два стула и успеть и в Керчь, и в Феодосию...

– Ай да Филателист, – восхитился Телеграф. – Старый лис, все предусмотрел. И главное – место какое выбрал, заправку! Ха!

Кайсанбек Аланович степенно выбрался из «Мародера» и туманно заявил:

– Где умный человек прячет лист...

– Чего? – не поняла Бандеролька.

– А, – отмахнулся Кайсанбек Аланович. – Была такая фраза из старого рассказа. Где умный человек прячет лист? В лесу. Честертон.

Бандеролька ничего не поняла, но на всякий случай сказала:

– Круто, – после чего принялась выкатывать пустые бочки из кузова «Тигра».

– Что обидно, – продолжил рассуждать профессор, – что в тех злополучных бункерах, из-за которых заварилась вся эта кровавая каша, мы наверняка найдем массу оружия и технологий для смертоубийства – но вряд ли хоть одну художественную книгу. Так уж было заведено до Катастрофы (а впрочем, и после нее), что важнейшим из искусств считалось убийство себе подобных. Заготовить бункер с боеприпасами, ну или там с соляжкой – это правильно, это мудро. А вот заготовить библиотеку на случай ядерной войны – об этом как-то не думали.

– А толку с той библиотеки, – хмыкнул Штемпель, – если жрать нечего и все хотят тебя убить?

– Ты не прав, – перебил его Телеграф. – Жрать нечего и все хотят убить – проблемы сиюминутные, легко решаемые при наличии оружия. А вот отсутствие книжек – это очень хреново. Отсиживались мы как-то в бункере под Симферополем, пережидали набег муранчи.

– Кого? – переспросила Бандеролька.

– Муранча. Мутировавшая саранча. Страшная хрень в виде огромных насекомых. Слава богу, рой тогда прошел стороной и больше в Крыму не появлялся, – пояснил Телеграф, – так вот. Человек семь нас было, и провианта достаточно, и воды, наружу не сунешься, сиди себе да в ус не дуй. Неделю сидели. На третий день скандалы начались, склоки. На пятый – драка. К концу недели чуть не поубивали друг друга. Страшное дело, когда сидишь взаперти и почитать нечего. С ума сходишь.

– Ну сейчас-то мы не взаперти! – хохотнул Штемпель. – Еще чего не хватало, книжки читать!

– Еще как взаперти, – возразил Телеграф. – Только не в бункере, а в Крыму. Он побольше будет, конечно, но все равно с него нам деваться некуда...

– Ну ты еще скажи – взаперти на этой планете! – завелся Штемпель.

– Я не про то, – перебил их Кайсанбек Аланович. – Я про возрождение цивилизации. Технологии и оружие – это, конечно, хорошо. Это важно. Без этого нельзя. Но цивилизация не сводится к оружию. Цивилизация – это еще и культура. Традиции. Музыка, литература, поэзия, живопись. Мы же все это потеряли. Безвозвратно.

Пошта не выдержал:

– Ну вы даете, мужики! Пока вы тут о культуре-литературе рассуждаете, там маленькая щуплая девушка бочки разгружает. А ну-ка отставить дебаты, марш Бандерольке помогать!

– Не такая уж она и щуплая, – прокомментировал Штемпель, и тут раздался истошный женский вопль из кузова «Тигра».

Листоноши на миг оцепенели, потом сорвали с плеч автоматы и, взяв их наизготовку, начали обходить грузовик с двух сторон.

«Надеюсь, Бандеролька просто уронила пустую бочку себе на ногу», – подумал Пошта.

Визг оборвался так же внезапно, как начался, а потом сменился другим звуком, больше всего напоминающим хныканье. «Совсем не похоже на Бандерольку», – успел подумать Пошта, прежде чем кувыркком выкатиться из-за машины и взять на прицел кузов.

В кузове происходило следующее. Валялась опрокинутая бочка. Стояла Бандеролька. Держала в руке – за ухо – хныкающего и вырывающегося пацаненка, чумазого, как черт, который дергался и причитал:

– Пустите, тетенька, ухо больно!

– Ухо вспухнет, – добавил Кайсанбек Аланович, со вздохом облегчения убирая пистолет в кобуру.

Телеграф и Штемпель чуть ли не хором выматерились и опустили оружие.

– Что тут у нас? – осведомился Пошта, тоже убирая автомат за спину.

– Заяц! – доложила Бандеролька. – В пустой бочке прятался. Напугал меня до... э... дрожи в коленках, вот!

– Я не заяц, я Костя! – возразил пацан, размазывая грязь по лицу. – Я же вам жизнь спас, Пошта, помните?

– Костя? – Пошта прищурился. В чумазом, как негритенок, мальчишке с трудом узнавался племянник Контейнера. Впрочем, верный бумеранг торчал у парня за поясом. – Чего ж ты грязный-то такой, Костя?

– Так это все бочка, – пожаловался Костя. – Она ж оказалась из-под мазута!

– Ну да, ну да, – покивал Кайсанбек Аланович, – а должна была быть из-под яблок. Чтобы ты ехал, так сказать, с комфортом и собственным продовольствием, подслушивая разговоры пиратов.

– Каких еще яблок? – не понял Костя ни черта. – Каких пиратов? Тортуга? Они здесь? За нами следят?!

Профессор разочарованно махнул рукой.

– Проехали. Долго объяснять.

Пошта скрежетнул зубами. Манера профессора давить интеллектом временами раздражала. Вот так живешь себе спокойно, мир спасаешь, а потом перекинешься парой слов с Кайсанбеком Алановичем – и чувствуешь себя неграмотным идиотом. Ведь наверняка профессор опять какую-нибудь книжку имел в виду.

– Что ж с тобой делать, Костя? – задумался Пошта. – Вроде и отъехали от Джанкоя недалеко, а возвращаться неохота – темп потеряем, полдня впустую. Не с собой же тебя тащить. А может, бросить тебя здесь, а?

– Бросайте! – дерзко вскинул мальчонка, чье ухо наконец-то отпустила Бандеролька (и теперь брезгливо вытирала пальцы ветошью). – Все равно я вас догоню! За бампер уцеплюсь – и поеду!

– Дурак ты, Костя, – вздохнул Пошта. – Ну куда тебе в экспедицию? Тебе учиться надо, испытания проходить, нормативы сдавать и ещё много чего другого сделать, прежде чем тебя одного за ворота цитадели выпускать можно будет. Нет, не проси. Не можем мы тебя с собой взять. Да меня Контейнер прибьет!

– А если вернете меня в Джанкой, – парировал хитрый пацан, – дядя Контейнер прибьет меня. Неужели вам не жалко ребенка?

– Ни капельки! – сказал Телеграф. – Я сейчас сам тебя прибью – и дело с концом. Нет мальчишки – нет проблемы.

– Не прогоняйте меня, я вам пригожусь! – взмолился мальчишка.

– Пригодишься, – решил Пошта. – Вылезай из кузова, выкатывай пустые бочки и ставь их возле во-он той колонки. Потом берись за насос и качай соляру. Как всю выкачаешь – подумаем, что с тобой делать дальше.

– Понял, командир! – расцвел Костя и метнулся выполнять задание.

Листоноши с удовлетворением наблюдали, как вкалывает парнишка. Щуплый, он оказался на диво выносливым, качал насос так, что работа скоро близилась к финалу.

– И что, – негромко спросил у Пошты Телеграф. – Ты серьезно хочешь тащить пацана с нами?

– Чего я, сдурел? – ответил Пошта. – Сейчас он докачает – и домой отправим, Штемпель на «Мародере» завезет, а потом нас нагонит.

– А зачем тогда работать заставил?

– А чтоб была мальцу наука...

Листоноши негромко захихикали.

– Готово, – отрапортовал Костя, вытянувшись по стойке «смирно».

– Молодец, – оценил его работу Пошта. – А теперь умойся, и дядя Штемпель отвезет тебя в Джанкой.

– Сам ты «дядя», – ругнулся Штемпель и побрел прогревать «Мародера».

– Так нечестно! – лицо у Костяна было – как будто лимон съел.

– Зато разумно, – парировал Пошта, понимая, что выглядит в глазах мальчишки последним гадом – но оно и к лучшему, меньше будет творить себе кумиров.

Костя вдруг прищурился, хищно пригнувшись и схватился за бумеранг. «С ума он спятил, что ли», – подумал Пошта, судорожно размышляя – педагогично или нет будет поймать сопляка и отходить ремнем, если тот вдруг решит метнуть бумеранг в его, Пошты, голову?

Но Костя круто развернулся, отводя плечо для замаха, и запустил бумеранг по пологой дуге. Раздался тупой удар и почти неслышный, зато пробирающий до костей ультразвуковой вопль.

Остроглазый мальчишка сбил на лету гигантского нетопыря – опаснейшего мутанта, оглушающего жертву ультразвуком, а потом выпивающего из него всю кровь.

Листоноши и профессор собрались возле бьющейся в конвульсиях твари и с отвращением смотрели на кожистые крылья с перепонками (размах этих крыльев был – метра два, не меньше), противной, похожей на свиную, мордой и трубчатыми ушами-локаторами. Клыки у твари были сантиметров по десять длиной.

– Ого! – сказала Бандеролька. – Откуда он днем?

– Ходили слухи, – сообщил Штемпель, – что в Советском этих тварей – целая колония. А нам туда ехать. Ох, чует мое сердце, доб ром это не кончится. Может, в объезд? Представляешь, сотни две таких гадов, пикирующих с неба?

– Нет, – покачал головой Пошта. – В объезд – время потеряем. Попробуем пробраться через Советский по-тихому, не разбудив нетопырей.

– Это как? Машина – не конь, ей копыта тряпками не обмотаешь. Перебудим мышек – и они нас сожрут.

– А мы их всех уьем! – запальчиво выкрикнул Костя. – Вон как я этого!

– Боюсь, что сделать это будет не так-то просто... – пробормотал Кайсанбек Аланович. – Если они будут драться за потомство и свою территорию, то драться будут до последнего. Законы природы в этом смысле распространяются и на мутантов.

– Пацан-то молодец, – вполголоса сообщил Поште Телеграф. – Не растерялся, не промахнулся. Горяч, конечно, но это нормально в его годы. Может, с собой возьмем? Как талисман экспедиции.

Пошта вздохнул. К черту такие талисманы. Сначала выбраться в экспедицию впопыхах, даже толком не собравшись. Потом потерять пару часов на возврат Кости в любящие руки дяди Контейнера. Потом – вляпаться в колонию нетопырей в Советском либо потерять часов десять на объезд.

Да что ж это такое! Вот уж, ей-богу, экспедиция не задалась.

– Поехали, – решил Пошта. – Поедем напрямик, через Советский. На малых оборотах, тихонько-тихонько. Костя с нами, но слушаться меня во всем: скажу прыгать, будешь прыгать, скажу падать – сразу падай, понял?

– Понял! – расцвел Костя, подобрал бумеранг и воинственно заткнул его за пояс.

– И не радуйся раньше времени, – сказал ему Пошта. – У нас просто нет времени возвращать тебя в Джанкой. Доберемся до Феодосии, найдем там листонош – и отправлю тебя домой заказным письмом. Или двумя, если будешь плохо себя вести, понял?

Костя кивнул.

– Если разбудим нетопырей, – продолжал инструктаж Пошта, – в бой не вступать, профессор правильно сказал – им отступать некуда, полный газ и идем на прорыв. Главное – не потерять друг друга. Но до заката еще далеко, а летучие мышки – твари ночные, пока крепко спят, есть шанс проскочить. Поэтому – по машинам и в путь!

– Не нравится мне это, – пробурчал Штемпель. – Нехорошее у меня предчувствие.

– Ничего не могу с этим поделать, – пожал плечами Пошта. – Ехать-то надо!

* * *

Уже на подступах к Советскому начало темнеть.

– Нехорошо, – сказал Пошта. – Ой как нехорошо!

– Погоди причитать, прорвемся, – обнадежил его Телеграф. – Если колония большая, то гнездиться они должны где-то в центре, а мы – огородами, по окраинам, тихонечко-тихонечко.

По машинам листоноши распределились следующим образом: Пошта, Телеграф и заяц-Костя ехали в «Мародере», Штемпель, Бандеролька и Кайсанбек Аланович – в «Тигре». Пошта сидел за рулем, Телеграф – на пулемете, Костя старался не отвечивать лишний раз и не напоминать о себе, нервно поглаживая бумеранг.

Небо над горизонтом стремительно темнело, наливалось синевой. Черной громадой маячили предгорья – заканчивалась степь, начинались крымские горы с их обманчиво пологими склонами и громадными плоскогорьями-яйлами. В свое время Пошта протоптал не одну сотню километров по горам и тихо их ненавидел.

Дорога вильнула, свернув к Советскому. Даже в лучшие времена этот поселок не считывал и десяти тысяч жителей; после Катастрофы его одно время использовали в качестве базы бандиты – уж очень удачно он был расположен на пересечении торговых путей, потом захватили полумозговые мутанты, которых в итоге истребили нетопыри.

Теперь листоношам предстояло проехать сквозь логово гигантских летучих мышей – и в сумерках, после заката, идея уже не представлялась Поште такой удачной. Скорость скоростью, но добровольно соваться в это логово совсем не хотелось.

Впрочем, было уже поздно менять решение.

Пошта заглушил двигатель, выбрался наружу, открыл капот. Поколдовал над движком, переключившись с соляры на уголь, проверил, есть ли уголь в топке. Во-первых, так будет тише, во-вторых, соляру надо экономить.

– Значит так, – сказал он подошедшему Штемпелю. – Ехать за мной, держать дистанцию три метра. На самых малых оборотах. Огонь не открывать, вернее, открывать при самой крайней необходимости. В первую очередь использовать бесшумное оружие – у профессора и Бандерольки есть глушители, вот их пусть и используют. Словом, крадемся и не шумим. Понял?

– Понял, – угрюмо подтвердил Штемпель.

Въезжали в Советский, словно похоронная процессия на кладбище, – степенно, мрачно и неторопливо. Название поселка довольно точно отражало его внешний вид: обшарпанная статуя Ленина на въезде, угрюмые панельные пятиэтажки, невесть почему называемые «хрущо-

бами», разбитый асфальт, разбитые окна, разбитые фонари, пустынные улицы и непонятные белые пятна на земле и стенах домов.

– Что это? – шепотом спросил Пошта.

– Очевидно, помет летучих мышей, – вполголоса пояснил Телеграф. – Дерьмо, проще говоря. Главное, в него не вляпаться...

С центральной улицы, носившей, разумеется, название «ул. Ленина» они почти сразу свернули в сторону, в какой-то узенький переулок, потом выехали на дорогу чуть пошире – и опять свернули, уже на грунтовку, тянущуюся среди покосившихся заборов, за которыми виднелись приземистые одноэтажные домики. Заборы были оплетены густыми зарослями дикого винограда, у домиков местами прохудилась и провалилась крыша.

«Мародер», попыхивая угольным котлом, полз неспешно и грузно, как большая черепаха. Похрустывала щебенка под могучими покрывками. Сзади постанывал на низких оборотах движок «Тигра». Пошта, судорожно всматриваясь в темную дорогу (фары он решил не зажигать), периодически поглядывал в зеркало заднего вида.

И не зря! «Тигр» вдруг замер и отчаянно замигал поворотниками.

– Черт, – выругался Пошта. – Неужели заглохли? Только этого не хватало!

Он остановил машину, вылез наружу. Штемпель уже стоял перед «Тигром» с автоматом наперевес и беззвучно матерился.

– Что такое? – спросил Пошта.

– Радиатор закипел. Перегрелся.

– Блин. Ну что поделать, – решил Пошта. – Надо обождать.

– Не нравится мне тут, – поежился Штемпель. – Нехорошее у меня предчувствие, – в который раз повторил он.

Словно поддерживая его разгулявшуюся к ночи интуицию, с черного неба на исходящий струйкой пара «Тигр» спикировала черная же тень размером с крупную птицу.

– Не стреляй! – прошипел Пошта.

Нетопырь – маленький, размах крыльев меньше метра, детеныш, наверное – уселся на крышу грузовика, растопырил свои кожистые крылышки и беззвучно заклекотал.

Мороз прошел по коже, засвербило внутри черепа, заныли зубы. Ультразвук!

«Как бы он не позвал сюда маму и папу, гаденыш маленький», – успел подумать Пошта, с трудом преодолевая желание выстрелить в мерзкую тварь.

Раздалось тихое жужжание – и бумеранг (когда только Костя успел вылезти через люк в крыше «Мародера»?) с чавканьем снес уродливую башку нетопыря. Тушка, судорожно забившись, свалилась с крыши на землю.

Ультразвуковая атака тут же прекратилась.

– Детеныш? – поинтересовался Кайсанбек Аланович.

– Он самый, – подтвердил Пошта. – Молодец, Костя, – добавил он, возвращая мальцу перемазанный кровью бумеранг. Оказывается, пацан успел заточить края метательного снаряда, и теперь бумеранг, ставший еще более смертоносным, следовало брать аккуратно, чтобы не остаться без пальцев.

– Тогда родители его должны быть поблизости, – сказал профессор и оказался прав.

Два нетопыря – взрослые особи, раза в три крупнее детеныша, спикировали с неба, оглашая окрестности беззвучным ультразвуковым воплем. От акустического удара зазвенело в ушах, Пошта испугался было, что полопаются барабанные перепонки, – и экспедиция, начавшаяся славно, погибнет тут же от проклятых нетопырей – но профессор (кто бы мог ожидать от интеллигента!), преодолевая нагнетаемую ультразвуком панику, вытащил «Зиг-Зауэр» с заранее прикрученным глушителем и снял первую мышку, что называется, влет, положив полмагазина экспансивных пуль прямо в отвратительную морду.

А вот Бандеролька подвела. Она, конечно, успела высунуть дуло снайперской винтовки в окно и выстрелить, но промазала – не так-то просто пользоваться оптикой, тем более в сумерках – а потом не смогла быстро передернуть затвор.

«Надо было ей полуавтоматическую винтовку дать», – успел подумать Пошта, уходя кувыркотом от атакующего нетопыря. Сложнее всего было удержаться и не срезать тварь очередью из автомата.

Профессор выстрелил еще пять раз, звуки выстрелов были похожи на шипение змеи – но промахнулся. У Бандерольки, видимо, заклинило гильзу – девушка судорожно дергала затвор, но безрезультатно. Костя метнул бумеранг, тот пролетел в сантиметре от нетопыря и с жужжанием описал дугу в воздухе, после чего воткнулся в землю. Телеграф выхватил нож – здоровенный тесак с клинком полметра длину и пилой на обухе и приготовился вступить в рукопашную.

И тут у Штемпеля сдали нервы. Листоноша вскинул дробовик и выстрелил.

Грохот двенадцатого калибра разорвал тишину поселка Советский на миллион осколков. Заряд картечи превратил нетопыря (папашу или мамашу невинно убиенного детеныша) в мясной фарш, но ночь уже огласилась хлопаньем кожистых крыльев.

– Заводи! – заорал Пошта. – По машинам! На прорыв!

Телеграф метнулся в «Мародер» и уже через мгновение торчал в пулеметном люке, сжимая рукоятки управления огнем. Бандеролька, отчаянно матерясь, перебралась на водительское сиденье «Тигра» и повернула ключ. Стартер беспомощно заскрежетал. Перегревшийся радиатор пыхнул паром.

Пошта рванул к «Мародеру», открыл капот, вернул кабели зажигания на дизель, после чего вытащил из багажника трос и накинул на задний форкоп.

– Держи! – крикнул он, протягивая буксировочный трос Штемпелю. – Мы вас вытащим!

– Нет, – покачал головой Штемпель. – Езжайте, я прикрою. Это моя вина. Я стрелял. Я их разбудил.

– Кончай фигню нести! – рассвирепел Пошта. – Выберемся все! Привязывай!

Вдвоем с профессором Штемпель закрепили трос на бампере «Тигра» и залезли внутрь.

– Костя, водить умеешь?

– Обижаешь, командир! Меня дядька в прошлом году научил.

– Тогда садись за руль! – скомандовал Пошта. – Телеграф, прикрывай!

Телеграф послушно полоснул по небу с мельтешащими тенями длинной очередью. Звук был похож на треск разрываемой ткани. Каждый пятый патрон в ленте был с трассирующей пулей, от чего небо озарилось сполохами и стало видно, сколько тварей перебудил неосторожный выстрел Штемпеля.

Тысячи их!

«Мародер» натужно взревел, трос натянулся как струна – и могучая машина потащила за собой заглохший «Тигр». «Да, с такой скоростью мы далеко не уйдем», – понял Пошта. Он запрыгнул в кузов «Тигра», схватил ближайшую бочку с бензином и, крякнув от усилия, вышвырнул ее наружу, после чего выскочил сам, выхватил нож и начал дырявить толстую жесь.

Бензин хлестал во все стороны, от паров закружилась голова. Это хорошо, это славно, пары нам и нужны – без паров фиг ты пулей бензин воспламенишь...

Отстреливаясь из «Тавора» короткими очередями по пикирующим нетопырям, Пошта запрыгнул обратно в «Тигр» и, дождавшись, пока возле бочки соберется достаточное количество тварей, выстрелил по ней.

Тщетно! Крошечные пульки «Тавора» пробили бочку, ударились об асфальт – но не высекли ни единой искорки. Эх, были бы бронебойно-зажигательные, или хотя бы трассеры.

– Так не получится, – констатировал очевидное Штемпель, методично пополняя патронами магазин дробовика. – Погоди, я сейчас.

Он как-то очень спокойно, почти меланхолично выпрыгнул из еле ползущего на буксире «Тигра», пару раз выстрелил из «Моссберга» и пошел к бочке.

– Штемпель, стой! – заорал Пошта, но друг не обратил на него внимания.

В руке у Штемпеля появился фальшфейер. Штемпель дернул шнур, сигнальный патрон вспыхнул и загорелся, разбрасывая искры. Штемпель коротко размахнулся и швырнул факел в бочку.

Взрыв был до неба. Огненный столб взметнулся метров на пятнадцать вверх, превращая кружащих нетопырей в обугленные скелеты – и, что более важно, привлекая к себе всех остальных, летящих на шум и на тепло.

На фоне пылающего бензина даже ревущий движок «Мародера» и кипящий радиатор «Тигра» казались нетопырям слишком незначительной мишенью.

Штемпель стоял перед гигантским пламенем, широко расставив ноги, и стрелял по нападающим мутантам из дробовика.

– Надо остановиться! – заорал Пошта. – Посигналь им! – велел он Бандерольке. – Надо его подождать!

– Не надо, – мягко, но настойчиво возразил профессор. – Он не затем выпрыгнул. Если мы остановимся – они нас догонят. И все будет напрасно!

– Но же его сожрут! – едва не всхлипнул Бандеролька.

– Это его решение, – сказал Кайсанбек Аланович. – Он жертвует собой, чтобы спасти нас. Давайте уважать его выбор.

– Твою ж мать, – простонал Пошта, глядя как пикируют на Штемпеля все новые и новые твари.

«Мародер» ревел, пулемет в руках Телеграфа огрызался короткими очередями. Пошта и профессор стреляли по шальным, одуревшим от громкого звука и яркого света нетопырям. Буксируемый «Тигр» подпрыгивал на ухабах.

А в поселке Советский отстреливался, прикрывая отход товарищей, листоноша Штемпель.

Пошта искренне надеялся, что старый друг сможет выбраться из этой передраги хотя бы живым.

Глава 5

ЛЮДИ В ЧЕРНОМ

Для есаула Николы Дорофеева это был уже сотый выезд на патрулирование; для хорунжего Данилы Осадчего – первый. Разумеется, Данила нервничал, но виду старался не подавать. Суетился перед выездом, все проверял и перепроверял по двадцать раз, прикрикивал на подчиненных, то и дело заставлял их прыгать, чтобы проверить, не звенит ли снаряга, переупаковывал свой рюкзак трижды, а то и четырежды – словом, вел себя точно так же, как Дорофеев перед своим первым выездом в Степь.

Сам есаул Дорофеев, глядя на всю это возню, только посмеивался в усы. «Чай, не пластуны, не в разведку идем», – ругались казаки, но приказания хорунжего выполняли. Наконец, Данила Осадчий остался удовлетворен итогами сборов и скомандовал.

– По коням!

По коням сели только рядовые казаки – молодые, необстрелянные еще бойцы оседлали полтора десятка понурых лошадок, навьюченных патронами и тюками с провизией, а есаул и хорунжий заняли места в «уазике», запряженном четверкой першеронов.

– Ну, с богом! – сказал Данила и перекрестился.

– С богом так с богом, – кивнул Никола.

И казачий разъезд тронулся в путь. Было их всего восемнадцать человек, считая Кирилла по кличке Дебил – умственно отсталого парнишку взяли с собой как амулет, этакий оберег, для везучести, а в обязанности вменили роль кучера в «уазике» и повара на привале. В последнем есаул сомневался: вряд ли умственных способностей Дебила хватит даже на то, чтобы сварить кулеш; ну да ладно, зато посуду мыть будет!

Хорунжий Данила тоже, с точки зрения Дорофеева, особым умом не отличался – зато бредил оружием и рвался повоевать хоть бы с кем, и все мечтал, что гетман определит его в пластуны. Молод, рвется с поводка, надо приглядывать, как бы не натворил глупостей.

Пятнадцать же казаков, не нюхавший пороха, были отправлены в легкий степной разъезд именно с этой целью – понюхать вышеозначенный порох и приобрести хоть какой-нибудь опыт настоящего патрулирования.

– Ну и где эти бандиты? – спросил Данила Осадчий уже на третьем часу патрулирования.

Окружающий пейзаж не отличался разнообразием: ровная, как стол, степь тянулась от горизонта до горизонта, и лишь колыхание трав на ветру придавало жизни мертвой крымской равнине.

– Гы-гы! – отозвался с водительского сиденья Кирилл-Дебил. Это был самый популярный звук в его лексиконе.

– Потерпи, – сказал Дорофеев назидательно. – У нас выход – на две недели, а ты хочешь сразу бандитов найти. Сами нас найдут, не переживай.

– Ну да, ну да, – заныл Данила. – Эх, поздно я родился, все самое интересное пропустил! Войну с мутантами – пропустил. Войну с татарами – пропустил. Катаклизм – тоже пропустил.

Даже налет на Летучий Поезд неделю назад – и то пропустил. Как скучно мы живем, хлопцы!

– Ы? – не понял Кирилл.

Никола усмехнулся.

– Ничего, и на наш век приключений хватит...

Начинало темнеть, небо наливалось багрянцем. Остановились на привал. Никола вытащил из багажника толстый моток джутовой веревки и протянул Даниле:

– На, разложи по периметру лагеря.

– Это зачем еще?

– Чтобы змеи не заползли!

Осадчего передернуло. Змей он боялся. И не напрасно – в Степи встречали твари до двенадцати метров длиной, способные проглотить человека целиком; есаул видел однажды, как такая гадина, похожая на пожарный шланг, лежала неподвижно, переваривая крупную добычу – одна половина змеи была раза в три толще другой...

– Тогда тут не веревка, а канат нужен, или цепь якорная!

– Где я тебе посреди Степи цепь найду? Используй что есть.

Наконец, разбили лагерь, вырыли яму под костер – огонь в Степи виден издали, а вот дым ночью почти незаметен, поставили Кирилла варить кашу. Потом выбросили горелое мясо, надавали Дебилу подзатыльников и заставили песком драить казан, сами же открыли консервные банки с тушенкой.

– Тысяча девятьсот семьдесят девятый год, – прочитал Данила на дне банки и облизал ложку. – Надо же. А вкусно, не испортилось.

– Умели делать, – веско сказал Никола. – Не то что нынче. В дерьме живем, дерьмом станем.

– А отчего так, Никола Богданович?

– А оттого, что после Катастрофы людей и так осталось мало, а с мозгами и того меньше. Повыбили их. До Катастрофы как оно было? Есть мозги – иди в ученые, нет – иди в солдаты. Вот тупые умных за жратву и поубивали. Правильно один умный человек говорил: ежели в государстве отделяют умственное воспитание от физического, то править этим государством будут трусы, а охранять его будут дураки. Ну вот, так и вышло.

– Но ведь сколько лет уже прошло после Катастрофы! Неужели новых умных не нарожали?

– Может, и нарожали, да только смысл-то в их уме? Сколько всего утеряно, сколько забыто! Даже тушенку делать разучились, только и можем, что старые склады искать да потрошить. А как кончатся запасы? Закрома Родины, они знаешь ли, тоже не бездонные.

– Эх, – мечтательно вздохнул Данила. – Вот бы найти такой склад, чтобы на всю жизнь хватило!

– Я и говорю: только про свою жизнь и думаем. О будущем надо думать...

Из темноты донесся условный свист – часовые кого-то засекли. Есаул и хорунжий подскочили, схватились за автоматы. Но пришельцы, похоже, попались мирные и дружелюбные: не крались, а шли в полный рост, и издали приветствовали казаков кличем:

– Э-ге-гей, служивые! Пустите к костру переночевать?

– Кто такие будете? – строго осведомился есаул Осадчий.

– Листоноши мы, – ответили из темноты. – Я – Марка, а это – Конверт. В Судак идем.

– Не ближний свет... Ладно, проходите. Хоть новостями поделитесь...

Листоноши оказались парнем и девушкой – коротко стриженная, худенькая, она издали казалась ребенком. Дорофеев сразу определил: любовь у них, зуб даю! – вон как друг на дружку зыркают, молодежь!

Присели к костру, разговорились. Особых новостей из мира листоноши не знали, потому что уже почти месяц шли из Джанкоя, своей цитадели, в полуразрушенный Судак – заходя в каждый попутный хутор и собирая корреспонденцию.

Никола Дорофеев листонош уважал. Смелые ребята, хоть и мутанты. Нужное дело делают.

– Глядишь, так и связь наладится, потом газеты начнем выпускать, – посмеивался он.

– Что газеты, – отвечал Конверт. – Журналы! Альманахи! Книжки – почтой!

Кирилл издавал звуки «гы» и «ага».

Ближе к полуночи стали укладываться спать. Бедняга Данила, перепуганным рассказами про гигантских змей, решил ночевать в «уазике», для верности обложив веревкой и его. Никола

проверил, стреножены ли лошади, и расстелил спальник под открытым небом. Конверт и Марка споро поставили небольшую палатку-черепашку, забрались внутрь и начали возиться – тихо, но слышно.

Часовых сменили. Кириллу налили рюмку водки, чтобы крепче спал – а то совсем разошелся Дебил на ночь глядя. Никола задремал.

Разбудило его бормотание Кирилла – традиционные «гы-гы» да «угу-угу». Чего Дебил разбушевался, оставалось непонятно, но спать под это было невозможно. Наверное, на водку так его дебильный организм отреагировал... Никола, мысленно матерясь, вылез из спальника и пошел бить Дебилу морду – но тот вдруг затих, да как-то странно, очень резко затих. Словно стукнули его чем-то тяжелым по затылку. Наверное, кто-то из разбуженных казаков опередил есаула...

Ну, раз уж вылез – не грех и посты проверить. А то казаки-то совсем зеленые, такие любят и подрыхнуть на посту, дуралеи. Никола тихо прошел через спящий лагерь, нашел веревку и прошел вдоль нее.

Первого часового он обнаружил почти сразу и, как и ожидалось, в горизонтальном положении. Спишь, собака, злорадно подумал Дорофеев. Ну, сейчас я тебе устрою. Он подошел к спящему казаку и со всей дури пнул того по ребрам. Казак не проснулся.

Он и не мог проснуться. Когда Дорофеев присел на корточки и перевернул тело, голова молодого казака запрокинулась под странным, неестественным углом.

Горло часовому перерезали мастерски – повыше кадыка, чтобы не смог заорать, и глубоко – почти до позвоночника. Очень-очень острым клинком.

Дорофеев подобрал уже ненужный мертвому казаку АК-74, бесшумно сдвинул вниз флажок предохранителя, аккуратно оттянул затвор на полдлины и пальцем проверил, есть ли патрон в патроннике. Есть.

По уставу следовало дать очередь в небо, трассерами, заорать: «Тревога!», поднять лагерь на уши, найти проклятых бандитов и перебить, но Дорофеев – старый охотник – нутром чуял, что лазутчики где-то поблизости. Зарезанный бедолага даже остыть не успел.

Начнешь шуметь – получишь пулю с вероятностью сто процентов. Да и выиграло старое, тоже охотничье: загнать гадов и положить наверняка, без шума и пыли, пока они не поняли, что обнаружены.

Дорофеев поудобнее перехватил автомат и начал красться обратно в лагерь, высматривая врагов. В темноте лучше смотреть чуть вниз, так угол периферийного зрения больше – а именно оно и работает в полумраке, замечая резкие движения.

Вот оно! Слева, на десять часов. Что-то черное шелохнулось в траве. Дорофеев вложил приклад в плечо, позиция «патрульной готовности» и развернулся на движение. Предохранитель он опустил в крайнее нижнее положение, одиночные выстрелы – нечего палить очередями, только патроны переводить, все равно только первая пуля летит в цель, остальные куда придется...

И в этот момент кто-то набросился на него сзади. Грамотно, надо сказать, набросился – не стал сбивать с ног или пытаться перерезать горло, а схватил за ремень автомата и дернул. Автомат вырвался из рук и ударил есаула в горло. Тот захрипел и попытался развернуться, но не тут-то было: нападающий уперся ему коленом в спину, аккуратно в позвоночник.

«Доигрался, старый хрыч, довыпендривался, – в отчаянии подумал Дорофеев. В глазах у него потемнело, ноги ослабли. – Сейчас додушит меня – и всех ребят вырежет, гад!».

Из последних сил Никола рванулся вперед, падая на одно колено и уходя в кувырок. Горло, придавленное ствольной коробкой автомата, едва не хрустнуло – но выдержало, такие мы, казаки, жестоковейные, а невидимый лазутчик, не успев выпустить ремень, полетел кубарем над головой есаула.

Вот теперь мы повоюем, мрачно подумал Дорофеев, поднимаясь с колен.

– Тревога! – попытался заорать он, но из полураздавленной гортани вырвался лишь неясный хрип.

Ладно, придется своими силами. Нагибаться за автоматом есаул не стал – в руках одетого во все черное бандита в маске свернул кинжал. Есаул прыгнул и вцепился в руку бандита, пока тот не успел подняться с земли. Держа запястье двумя руками, Никола начал колотить этим запястьем об землю, твердую, спекшуюся на солнце крымскую землю – и нож все-таки вылетел из ослабшей ладони. Но бандит оказался тоже не промах – ловко извернулся, обхватил есаула ногами и так сдавил ребра, что те затрещали.

Есаул размахнулся и от души врезал по черной балаклаве. И тут же пожалел об этом – бандюга подставил под удар лоб, у Николы заныли разбитые костяшки кулака. Ведь знал же, старый дурак, что в драке лучше бить открытой ладонью. Ну ладно!

Локтями Никола ударил по бедрам бандита, тот расцепил ноги, и Дорофеев тут же вскочил. Черный сбил его подсечкой и уселся сверху, пытаясь задушить. Бедное горло саднило дико, сил терпеть не было.

Краем глаза Никола увидел, как из «узика» выскочил Данила – в одних трусах и с автоматом наперевес. С перепугу и недосыпу хорунжий лупанул длинной очередью – и, разумеется, промазал. За спиной у него нарисовался еще один черный – схватил Данилу пятерней за глаза, запрокинул голову и полоснул по горлу.

Данила упал и даже не захрипел.

Никола напрягся из последних сил, сопротивляясь удушению – сейчас должен был проснуться весь лагерь, но никакого движения вокруг не наблюдалось.

«Оглохли они, что ли», – угасающим сознанием удивился Никола – и тут до него дошла страшная правда: некому было просыпаться.

Загадочные люди в черном перерезали всех.

«Двое в черном, – пронеслось в голове у Дорофеева, – листонош тоже было двое! Неужели это...»

Лишенный кислорода мозг наконец-то отключился, и есаул казачьего войска Никола Дорофеев умер. Поэтому он не узнал, что к нападавшим присоединился третий человек в черном, чье лицо скрывалось за искусно выкованной серебряной маской.

* * *

В гареме хана Арслана Гирея Второго после полуночи наступала тишина. Укладывались спать даже самые непоседливые наложницы, понукаемые старшими женами, разбредались по кельям евнухи, прекращал брэнчать на гитаре невольник-музыкант, возвращался в свои покои сказитель по прозвищу Телевизор. И даже охрана, грозные янычары, начинали потихоньку кемарить на постах – спокон веков дежурить в гареме означало для янычар хорошенько выспаться на работе, потому что ну кому в здравом уме и трезвой памяти придет в голову нападать на гарем?

Никаких государственных секретов жены и наложницы хана не знали, сам хан здесь бывал редко – все дела, дела, все некогда, а когда есть время, проще вызвать кого-то к себе в покои, чем приходиться в курятник лично и выслушивать кудахтанье почти сотни сексуально неудовлетворенных цыпочек. В общем, с точки зрения захватчика, буде таковой отыщется, гарем был не целью, а добычей.

Вот и дремали янычары, поставив автоматы на предохранители и спрятав традиционные ятаганы в ножны.

Спали наложницы вповалку – отдельных спальных мест младшему обслуживающему персоналу не полагалось, один общий матрас на десять-пятнадцать человек. На время сна были

забыты дневные распри и дразги, девушки сопели и обнимались, чтобы было теплее, ночи в этом году в Бахче-Сарае стояли холодные.

Спали любимые жены Арслана Гирея – было их пять, но особенно хан выделял двух, Диляру и Таглиму, за красоту, молодость и ум; чаще других приглашал он их к себе в спальню, что вызывало нездоровую зависть среди прочих. Диляра и Таглима, в свою очередь, терпеть не могли друг дружку, и всячески боролись за звание самой любимой, самой желанной, самой главной жены. Хан Арслан Гирей Второй об этом знал и всеми силами вражду между женами поддерживал, искренне полагая, что здоровая конкуренция между поставщиками услуг всегда на пользу потребителю.

Спал жирный, как и полагается, евнух по прозвищу Гусь, формальный глава гарема, он же – завхоз, он же – прораб, он же – внештатный психолог и жилетка для рыданий.

Замерло все в гареме. Замерло все до рассвета.

И только одинокая тень отделилась от стены, почти неразличимая на фоне узорчатого персидского ковра, и бесшумно двинулась в сторону опочивален жен. Шаги тени были медленны и плавны, как у ленивого кота.

Тень миновала посапывающих наложниц, не обратив внимания на обнаженные руки и ноги, торчащие из-под куцега одеяла, прошла мимо сопящих янычар. Возле одного из них, здорового амбала, спящего стоя, словно боевой конь, у дверей в покои жен, тень задержалась.

Янычар, огромный, как скала, прислонился к дверям, сложил руки на автомате и тихонько похрапывал. Если бы он стоял чуть левее, и выбрал бы в качестве точки опоры дверной косяк, а не саму дверь, тень бы не обратила на него особого внимания.

Но он стоял в дверях.

Тень шагнула к янычару, в руке черного человека сверкнул короткий клинок. Ладонью тень зажала рот несчастному охраннику, а ножом пырнула снизу вверх, под челюсть. Клинок пробил кость, пригвоздил язык янычара к небу и достал до мозга. Самым сложным для тени было удержать падающую тушу амбала и его автомат одновременно – чтобы ничего не загрохотало.

Тень справилась.

Уложив труп часового, тень переступила через него и вошла в женскую спальню. Здесь посапывала Диляра – пышнотелая блондинка лет тридцати, изощренная в искусстве любви. На мгновение тень замерла над спящей женщиной, потом убрала кинжала и вытащила небольшой флакончик.

Стянув черную маску с прорезями для глаз, тень (а это оказалась девушка лет двадцати, с наголо бритой головой) надела респиратор и открыла флакончик, после чего поднесла горлышко к носу Диляры. Через пару секунд Диляра перестала дышать.

Тень нарочито небрежно уронила флакончик на кровать и пошла к выходу.

Только Аллах, Всеведущий и Всемогущий, ведает, что понадобилось Таглиме в спальне своей конкурентки и заклятой соперницы, но именно в эту минуту Таглима, стройная и изящная брюнетка, решила проведать уже покойную Диляру. То ли спереть у той косметичку, то ли подсыпать битого стекла в пудреницу...

Столкнувшись в дверях с крадущейся тенью, Таглима успела лишь коротко взвизгнуть – тень зажала ей рот, скрутила голову набок и резким рывком сломала шею.

Но взвизга было достаточно, чтобы растревожить гарем.

Пока янычары просыпались и матерились, евнух Гусь – ближайший к покоям жен хана – бросился выяснять, что случилось.

Его тень убила быстро и почти бескровно: когда колышущаяся туша евнуха пронеслась по коридору навстречу лазутчице, та легко запрыгнула на стену, оттолкнулась ногой, повисла на люстре и – спрыгнула вниз, целя обеими ногами в затылок Гуся.

Треск ломаемого позвоночника был почти не слышен. В отличие от звука падения стокилограммой туши.

Янычары начали орать: «Тревога!» – но было уже поздно: тень, порхая по стенам, точно призывая, добралась до ближайшего окна, выскочила за него и растворилась в ночи.

Спустя минут десять, когда улеглась паника, верещащих и бегущих наложниц загнали кнутами обратно под одеяло, янычарам пригрозили расстрелом, а жен обрадовали известием о гибели ханских любимиц Диляры и Таглимы, в гарем вошел Телевизор, приглашенный ханом Арсланом Гиреем в качестве эксперта-криминалиста – потому что основу репертуара сказителя составляли именно детективные истории-сериалы.

– Ну? – спросил хан, нависая над трупами любимых жен. – Кто это сделал? Казаки? Пластуны? Они?!

Телевизор присел на корточки, осмотрел Таглиму и ее сломанную шею, потом обнюхал синюшное лицо Диляры и заметил валяющийся под кроватью флакончик.

Зажав нос платком, Телевизор взял флакончик и посмотрел на этикетку.

– «Сделано в Джанкое», – прочитал он. – Нет, мой хан, это не казаки. Судя по почерку и мастерству исполнения, это сделали листоноши.

Хан Арслан Гирей Второй насупился и угрожающе щелкнул костяшками.

* * *

Матрос Воловик вязал на спицах. Увлечение это, несколько странное для молодого парня атлетического сложения, зачастую служило предметом насмешек со стороны сослуживцев – но недолго. Помимо вязания на спицах Воловик занимался рукопашным и ножевым боем, хорошо стрелял и все свободное время с энтузиазмом качал мышцы, что отбивало желание подшучивать над безобидным хобби.

Благодаря которому, между прочим, Воловик к вящей зависти коллег, щеголял долгими и промозглыми крымскими зимами в теплом свитере плотной аранской вязки. А зимы в Севастополе выдалась длинными и холодными, хоть и бесснежными.

От бухты постоянно дул сырой холодный ветер, заметая весь город капельками соленой мороси. Трупы дохлых медуз плавали на маслянистой поверхности моря. Судоходства не было, пираты Рыжехвоста лютовали на каботажных маршрутах, матросы Черноморского флота дурели от тоски и спускали все деньги на гладиаторских боях на атомном крейсере «Адмирал Лазарев». Пришвартованные к флагману три десятка прочих судов покачивались на медленных волнах Севастопольской бухты, матросы жрали медуз во всех видах и способах приготовления, глушили «Боцмановку», а капитан Воронин продолжал провоцировать американцев, зазывая их бойцов-гладиаторов на призовые схватки.

Воловик боев не любил, ему было жалко зверушек. Хоть и мутанты, хоть и уроды, а живые, чего ради их убивать? То ли дело твари из развалин города, нападающие на караваны, или бандиты, захватывающие заложников ради выкупа.

Так неторопливо протекала жизнь в плавучем городе.

Капитан Воронин поставил Воловика присматривать за гладиаторами, кормить их, поить и чистить клетки. Работа не самая чистая, но и не тяжелая (если соблюдать осторожность), да и возиться со зверями Воловику было по душе.

А в перерывах между кормлениями Воловик вязал на спицах.

Прозвенел старый, откопанный в руинах механический будильник, и Воловик отложил спицы, встал, взвалил на широкие плечи коромысло с двумя ведрами с едой для мутантов (которую кок «Адмирала Лазарева» называл просто и незамысловато – хавчик) и пошел кормить питомцев.

Мутантов держали в клетках в трюме атомного крейсера, в два ряда по десять клеток. Шагая мимо голодных тварей под жадное рычание, скуление, подвывание и верещание, Воловик машинально осматривал подопечных.

Первым по левую руку сидел медведь-мутант по кличке Балу. Тварь медлительная и крайне опасная. Обычные животные перед тем, как броситься, скалят зубы, вздыбливают шерсть или еще каким способом проявляют агрессию; Балу же атаковал всегда внезапно, с тем же меланхоличным выражением на морде, что и всегда. И фиг поймешь, что у него в голове.

Напротив Балу обитала Погремушка – полусобака, полуобезьяна, проворная, хитрая, злобная и умеющая пронзительно верещать, за что бои с ее участием пользовались особой популярностью.

Рядом обитал Крекер – нечто малопонятное, смахивающее на гибрид алабая и маламута, ласковое, умильное существо, способное сбить с ног и не загрызть, а задушить оппонента мощным хвостом.

Его соседом был Данди – мускулистая тварь, по виду напоминавшая помесь крокодила с ротвейлером. Вывести его из себя было крайне трудно, первые пару минут боя он спокойно сносил наскоки и укусы противника, не особо их чувствуя мощной чешуйчатой шкурой, зато потом... Словом, те, кому все же удавалось сделать Данди больно, жили недолго, зато умирали быстро.

Следующая клетка пустовала – там некогда обитала Химера, разорванная напополам конем-мутантом по кличке Один, принадлежавшему классному парню Поште из клана листонош.

Хороший он был мужик Пошта, честный, цельный. Воловик ходил с ним в рейд – вместе с мичманом Зиняком и доктором Стасом – и понял, что листоноше можно доверять. К сожалению, Пошта ушел по своим загадочным делам, а Воловик остался на «Адмирале Лазареве», прозябать в вонючем вольере...

«А чего это я вдруг про листоношу вспомнил?» – удивился Воловик, и тут же понял: возле пустой клетки Химеры стояла холщовая сумка для писем и висели защитные очки-гогглы вроде тех, что носил Пошта.

«Откуда они здесь?» – удивился матрос, но обдумать эту мысль как следует не успел.

Кто-то спрыгнул на него сверху – кто-то, одетый во все черное. Видимо, черный человек что-то делал с клетками, когда Воловик пошел кормить животных, и спрятался, уцепившись за балки на потолке – а про сумку и очки забыл (или нарочно оставил), и теперь торопился убрать свидетеля.

От удара Воловик полетел вперед и врезался в прутья клетки. Навстречу ему метнулся Стригач – смесь камышового кота со скунсом, больше всего любивший жевать шерсть противника – но Воловик отпрянул от клетки до того, как мерзкая тварь вцепилась ему в бороду, и сразу обернулся.

Человек в черном стоял в боевой стойке, выставив перед собой руку с кинжалом. Воловик же, как назло был почти безоружен. Почти – потому что коромысло для ведер с хавчиком тоже вполне себе оружие, особенно в умелых руках. А руки у Воловика были умелые.

Он раскрутил коромысло над головой, сделал ложный выпад, выманивая противника на атаку – тот не поддался, опытный, гад, и рубанул наотмашь по колену. Черный подпрыгнул и коротко ужалил клинком, едва не достав Воловику до лица.

Бойцы закружили в узком коридоре, переступая мягко и осторожно. Звери бесновались в клетках. Воловик пнул ведро с хавчиком, разливая содержимое – густую жижу с кусками мяса – под ноги врагу, а потом футбольным ударом отправил ведро в лицо противника, скрытое черной балаклавой.

Черный отскочил, вцепился в прутья ближайшей клетки (там сидел Данди) и до того, как ротвейлер-крокодил оттяпал ему пальцы, ловким изящным прыжком перескочил на клетку

Погремушки. Воловик прыгнул следом через скользкую лужу разлитого хавчика и ударил коромыслом, как копьем. Промазал, прутья клетки зазвенели, Погремушка заверещала. Черный крутанул сальто в воздухе и приземлился за спиной у матроса.

«Вот же ловкий, сволочь», – воскликнул Воловик, нанося тычковый удар назад. Черный попятился. Еще два шага – и он поскользнется на хавчике. Воловик закрутил коромысло мельницей, наступая вперед. Черный присел, уклонился и выбросил ногу в стремительном ударе в пах. Но Воловик успел поставить блок.

Наступила пауза – как оно всегда бывает в драке, ежели та длится дольше пяти секунд. Воловик перехватил коромысло, а черный сделал странное – поглядел на часы.

«Интересно, кто ты такой? – подумал Воловик. – Простой бандит? Не похоже. Лазутчик букмекеров, хочешь притравить наших бойцов, чтобы были сонные и вялые на арене? Вряд ли. Тогда что ты забыл в вольере?!».

И почему он смотрит на часы?!

Черный взмахнул кинжалом и перешел в наступление. Короткий клинок в его руке порхал как бабочка и жалил как пчела. Судя по интенсивности атаки, черный торопился удрать из вольера. Опаздывал, наверное. На званый ужин.

Воловик ответил серией коротких отбивов и парой выпадов контр атак. Тактика матроса была проста – если враг торопится, надо его задержать. А там, глядишь, и свои подтянутся. Тот же мичман Зиняк, например.

Но черный все никак не хотел задерживаться. Он отступил, переводя дыхание, опять глянул на часы, потом – на потолок, где раньше прятался, а потом – на дверь ближайшей клетки.

Это, конечно, могло оказаться хитростью – типа как посмотреть через плечо врага и сделать удивленное лицо, мол, гляди кто у тебя за спиной, но дистанция позволяла, и Воловик тоже скосил глаза.

Мать моя женщина!!!

На шпингалете клетки Балу висел крошечный брикетик пластиковой взрывчатки и с прикрученным к нему таймером из дешевых электронных часов. И таймер помигивал. Воловик окинул взглядом остальные клетки. М-мать...

Так и есть, черный человек, псих ненормальный, заминировал все клетки в вольере! Когда заряды взорвутся, мутанты-гладиаторы вырвутся на волю! И драться они станут отнюдь не друг с дружкой.

Воловик вдруг вспомнил, что не запер дверь, ведущую из вольера в трюм. Матрос на миг представил себе, как это будет – рычащая волна пронесется по кораблю, сметая все на своем пути, разрывая людей в мелкие клочья, отрывая головы и руки зубами, когтями и шипастыми хвостами; озверевшие от сиденья в клетках, натасканные на агрессию, бойцовские мутанты не пощадят никого. А когда атомный крейсер «Адмирал Лазарев» опустеет, гладиаторы переметнутся на пришвартованные к нему корабли – и вода в Севастопольской бухте станет красной от крови.

Этого нельзя было допустить. Матрос пошел ва-банк – он метнул коромысло в лицо черному и прыгнул следом. Черный человек отбил метательный снаряд, а вот Воловика отбить не сумел, и рухнул на пол под его весом.

Воловик тут же схватил его за горло и спросил требовательно:

– Как их отключить? Таймеры?

Черный промолчал.

И тут бомбы взорвались. Два десятка негромких – с пистолетный выстрел – хлопков слились в один, оглушительный в замкнутом пространстве, и двери клеток распахнулись.

Воловик кормил тварей два раз в день, приносил им воду и убирал клетки, но не питал иллюзий насчет благодарности мутантов. Отпустив черного, матрос подпрыгнул и вцепился в балки под потолком, поджимая ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.